

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Марина Суржевская
Проникновение
Серия «Мир за Великим
Туманом», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69825178

Проникновение:

Аннотация

Тысячелетие фьорды были отделены от мира людей стеной непроницаемого тумана. Потерянные земли, попасть в которые невозможно. Ученые всего мира могли лишь мечтать об экспедиции к этим загадочным берегам. И как же повезло мне, антропологу Оливии Орвей, попасть в первую исследовательскую группу к фьордам!

Или... не повезло?

Ведь за туманом нас ждет неизвестность, пугающие загадки и ильхи – варвары, о которых мы ничего не знаем.

Даже того, кем они являются на самом деле.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	47
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	96
Глава 8	113
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Марина Суржевская

Проникновение

Пролог

Открытая площадка башни поблескивала в свете заходящего солнца. Я прочертил когтями борозды, добавив очередную метку черному граниту. Встряхнулся, поднялся и кивнул застывшим у лестницы стражам. Те одновременно склонили головы, приветствуя меня.

В нижних комнатах тлели угли в каминах, я протянул ладонь, и пламя послушно вспыхнуло, склонилось к пальцам. Но мне некогда было играть. Отстегнул оружие, положил его на подставку. День выдался тяжелым и длинным, поспать в эту ночь почти не удалось. Я размял шею, пытаясь взбодриться. Два часа сна за несколько суток – это мало даже для риара.

Вот только заканчиваться мой день, похоже, не собирался. Осторожный стук в дверь и запах доложили мне о визите.
– Входи, Ирвин, – разрешил я.

А-тэм поклонился на пороге, показывая ладони, как того требовала традиция. Я усталю махнул рукой.

– Говори. Коротко и по делу. Я жутко устал.

– Конфедерация, Сверр. – Голубые глаза Ирвина насмеш-

ливо блеснули. – Прислала очередное послание.

– Почтовым голубем? – хмыкнул я. – Или они уже дошли до узелковой письменности?

– На этот раз обычная бумага, – развеселился Ирвин, до-вольно бесцеремонно подходя к моему столику с кувшином отличного вина из Шероальхофа. Наглый Ирвин налил себе, не стесняясь, выпил и причмокнул. – Они пишут нам на всех известных Конфедерации наречиях, уверяют в добрых намерениях и ждут ответа из потерянных земель. Соблазняют невиданными достижениями прогресса, которые нам позарез нужны.

Ирвин налил себе еще, пользуясь тем, что я задумчиво глазел в окно, а не на своего а-тэма.

– Думаю, послание вполне пригодится мне для определенных нужд, хотя бумага, конечно, жестковата...

– Мы им ответим.

Я по-прежнему смотрел в окно, на величественные горы, на сине-зеленый лес, на изрезанный берег фьорда и темные воды... Бездонные, как утверждает а-тэм.

– Что? – Ирвин, наконец, отмер.

– Мы ответим. – Я обернулся, встретил ошарашенный взгляд. – И пригласим их к себе. Я сам напишу это приглашение. Да, мы будем рады увидеть в гостях наших потерянных братьев, наших долгожданных родственников с той стороны Великого Тумана. Мы столько лет ждали этой встречи. И, конечно, мы жаждем покориться Конфедерации.

А-тэм подавился вином и закашлял, я мстительно остался на месте, не торопясь постучать его по спине. Нечего хлестать мое вино.

– Ты сошел с ума, мой риар? – наконец сипло выдавил Ирвин, широко распахивая глаза. Я окинул его надменным взглядом, и а-тэм сник.

– Зачем? Не лучше ли просто промолчать, как в прошлый раз? Как во все прошлые разы?

Я покачал головой, размышляя.

– Принять? – На невозмутимом лице Ирвина возникло недоумение. – Но Сверр! Мы не можем пустить к нам людей Конфедерации! Это просто... самоубийство!

– Нет, – вкрадчиво проговорил я, прищуриваясь. План, еще смутный, но уже впечатляющий, вырисовывался перед внутренним взором. – Это то, что нужно сделать. Мы слишком долго молчим, мой а-тэм, а это может внушить страх. Опасения. Ненужные мысли. Но нам нужно еще немного времени. Времени и знаний. Того, что уже есть, недостаточно. Мы примем людей. Мы успокоим их. Покажем, дадим попробовать, убедим в их превосходстве и силе. Усыпим бдительность. О да, – я с предвкушением улыбнулся. – Мы примем гостей.

– Но что мы им покажем? – не выдержал Ирвин.

– Гораздо важнее то, что мы им не покажем, – усмехнулся я, усаживаясь за массивный стол и доставая принадлежности для письма. – Скажи, племя у подножия Горлохума живет

там же?

– Да, но... Ты говорил, что Конфедерация считает нас варварами, Сверр. Зверьми, – тихо добавил Ирвин. Я поднял голову.

– А разве это не так, а-тэм? – оскалился я.

Глава 1

– Госпожа Орвей, как долго продлится экспедиция в мир варваров? Сколько человек туда отправится? Вы не боитесь ехать к этим примитивным созданиям? Правда, что у них принято брать женщину, когда и где захотят? Вас не пугают варварские обычаи? Ваш муж согласен отпустить вас, госпожа Орвей?

Я мягко улыбнулась, сдерживая желание заорать. Конференция длилась уже третий час, и Сергей поглядывал умоляюще, без слов уговаривая меня потерпеть. Я снова улыбнулась. Ради Сергея я готова сидеть здесь до утра.

– Мой муж не может возразить, потому что у меня его нет, – легко ответила я на вопрос бойкой журналистки. Раздались сдержанные смешки. Но я уже стала серьезной и вновь склонилась к микрофону. – А если бы был, то, думаю, понял бы важность той миссии, которая возложена и на меня, и на нашу экспедицию. – Зал притих, слушая. Я постаралась отрешиться от вспышек фотокамер и продолжила. – Почти тысячелетие мир фьордов отделен от нашего непроницаемой стеной. Я не буду подробно вдаваться в историю и рассказывать, как это произошло. Думаю, здесь собрались знающие и умные люди, – еще один одобрительный смешок на мою маленькую лесть. На стене, повинуясь нажатой кнопке, возникла интерактивная карта мира. Я поднялась и очер-

тила лазерной указкой территорию между скальной грядой и океаном. – Всем известно, что примерно в 873 году произошло извержения вулкана Линторен, и огромный пласт земель оказался отделен от остального материка стеной пепла и тумана. Мы привыкли называть эти потерянные земли фьордами, хотя доподлинно неизвестно, что они из себя представляют. Мы лишь знаем, что развитие в нашем мире и в мире за стеной пошло разными путями. Наши зонды и разведчики смогли принести нам отрывочные сведения, которые все же удалось сложить в единую картину. По которым мы можем делать весьма скудные выводы, господа. Но судя по этим данным, мир фьордов остался на довольно примитивном уровне, без малейшего следа научно-технического прогресса. И да, вы правы. Населяющие его народы – это в основном варвары и полужвери, далекие от нашего уровня развития. Их обычаи, нравы и образ жизни кажутся нам, цивилизованным людям, не только примитивными, но и вопиюще безнравственными. Именно поэтому так важна просветительская и исследовательская миссия к фьордам, господа. Мы, все мы, каждый человек нашей Конфедерации несем ответственность за планету. За ее развитие, благополучие и процветание. И огромные пространства фьордов мы просто не можем оставить без внимания и без нашего просветительского ока. Проникновение в мир за Туманом – величайший прорыв в нашей истории...

Я говорила и говорила, улыбалась, моргала от вспышек,

снова улыбалась... Челюсть уже болела, но я видела одобряющий взгляд Сергея и продолжала.

И лишь когда конференция закончилась, а последний журналист удалился, позволила себе выдохнуть и медленно опустить голову на сложенные руки.

– Ты умница, – Сергей погладил меня по волосам. – Не только талантливый ученый, но и удивительная женщина! Все прошло просто блестяще, Лив!

Я с трудом выпрямилась и устало улыбнулась.

– Не понимаю людей, которые любят находиться на публике, – пожаловалась я. – По ощущениям, эта свора выкачала из меня всю энергию и высосала мозг через трубочку.

Сергей рассмеялся, усаживаясь на край стола. И я вновь залюбовалась его улыбкой. Но лишь миг. Большого я себе позволить не могла. Потерла глаза, ощущая под веками битое стекло.

– Эта свора ушла, влюбленная в тебя по уши, – уверил Сергей. – Даже женская половина!

Я недоверчиво хмыкнула.

– Seriously, Лив, я видел их взгляды, – развеселился мой друг. – Тот парень, с краю, готов был предложить тебе руку и сердце, клянусь! И даже старый хрыч в очках воодушевился и начал улыбаться, радостно демонстрируя отсутствие переднего зуба. А его считают самым лютым критиком – обозревателем журнала «Око», ты знала? Но даже его ты смогла вдохновить. У тебя изумительный дар влюблять в себя лю-

дей.

Я обхватила себя руками и зябко поежилась. Я и правда ощущала себя опустошенной.

– Как дела у Мии?

– О, все прекрасно, – Сергей, как всегда, обрадовался, говоря о своей жене. – Она давно ждет тебя в гости.

– Дела, сам понимаешь, – развела я руками. – Эта экспедиция не оставляет мне ни минуты свободного времени.

– Да, я знаю. – Сергей стал серьезным, пытливо заглянул мне в глаза. – Лив... я все хотел спросить... ты уверена? Уверена, что тебе нужно ехать? Все эти слова о миссии и прочем, это все, конечно, так, но... Но ведь это опасно! – неожиданно зло сказал он. – Чертовски опасно! Никто еще не был на фьордах! Звери ни разу не одобряли наши запросы! И это приглашение... выглядит подозрительно, разве нет?

– Почему? – удивилась я. – Что странного, что они хотят наладить общение? Мы многое может привнести в их жизнь, Сереж. Образование, медицину, технику! Да, их развитие сильно отличается от нашего, но я верю, что они не настолько примитивны... Они разумны, Сергей! Другие, но разумные. Послание это подтверждает. Мы много лет ждали хоть какого-то отклика с той стороны, и это свершилось!

– Они звери! Дикари! – он вдруг схватил меня за руку. – Боже, Лив! Я понимаю твой ученый энтузиазм, но черт побери! Вспомни тот ритуал, что удалось запечатлеть нашему зонду! Это ведь просто кошмар! Я уверен, что дикари при-

носят человеческие жертвы!

Я тоже содрогнулась. Да, отрывочные картинки, что мы тогда увидели, внушали ужас любому современному человеку. Голые мужчины вокруг камня, девушка на нем... Кровь. Просто отвратительно...

– Это не доказано, Сереж, – тихо сказала я, мягко высвобождаясь из его рук. – Не переживай за меня, все будет хорошо. Я ведь живучая, ты забыл?

Подмигнула весело, но старый друг не разделял моего оптимизма и по-прежнему смотрел волком.

– У меня дурные предчувствия, Лив.

– Предчувствия? – я рассмеялась. – С каких это пор ведущий специалист Академии Прогресса верит в предчувствия?

Он тоже усмехнулся, взъерошил светлые волосы.

– Ты не передумашь, да? – насупился Сергей.

Я покачала головой.

– Все уже решено, Сереж. Поздно идти на попятную.

– Ты всегда была смелее меня, – улыбнулся он. В его глазах промелькнуло странное чувство, и я отвернулась. Да, наверное, он прав. Просто у меня почти никогда не было выбора. Хотя в экспедицию к фьордам я записалась добровольно и мою кандидатуру рассматривали дольше других. Все же, я буду единственной женщиной в этой поездке за Туман. Надо признать, когда я думала об этом, душу охватывал страх. Но... я должна поехать.

– Ясно, – вздохнул друг. – Довезти тебя до дома?

– Нет, я хочу завершить доклад.

– Ты неисправимый трудоголик, Лив, – усмехнулся Сергей с привычной бесшабашностью. – Ладно, не засиживайся допоздна!

– Не буду.

Я подождала, пока Сергей уйдет, постояла у окна конференц-зала, глядя на подъездную дорожку. И лишь когда ярко-красная спортивная машина вылетела за ворота, тоже натянула куртку и пошла на выход.

На улице собирался дождь. Асфальт пах сыростью и приближающейся осенью. Мне всегда казалось, что у нее вкус тлена, с горчинкой на языке. И это всегда было мое самое нелюбимое время. Потому что осенью на меня накатывало такое, что я с трудом удерживалась от слез. Если бы кто-то из коллег знал, что таится под вечной бесстрастностью одного из ведущих антропологов Академии! Но, конечно, я никому и никогда не позволю об этом догадаться. Даже Сергею. Тем более – ему.

Я вздернула подбородок и решительно двинулась к подземной парковке.

Как я и ожидала, дождь хлынул, стоило выехать за ворота.

Глава 2

В экспедицию одобрили восемь человек. Все – достойные члены Конфедерации и отличные специалисты. Впрочем, я тоже уже не робкая девочка, которой была когда-то. Я ведущий антрополог Центральной Академии Прогресса, преподаватель и ученый. И это в мои двадцать семь лет! Хотя возраст я стараюсь не афишировать, чтобы не будить в мужчинах ненужной зависти и негодования. Хорошо хоть члены команды давно меня знают, так что среди этих людей я чувствую себя спокойно. Особенно обрадовало, что начальником экспедиции назначили моего любимого профессора и учителя – Максимилиана Шаха. Этот седовласый мудрый мужчина и сейчас вызывал во мне тот же трепет почтения и уважения, что и в тот день, когда я впервые перешагнула порог Академии.

– Оливия, а вот и вы! – Макс улыбнулся, когда я поднялась на вертолетную площадку.

В день отлета экспедиции выглянуло солнце, впервые за прошедшую неделю, и я посчитала это добрым знаком. Тепло пожала руку профессору, кивнула остальным членам команды. Четверо военных, четверо ученых. В приглашении дикарей было четко указано: они готовы принять не более восьми человек.

Не дикарей. Ильхи, дети скал и воды, народ фьордов – так

они называли себя в послании. У нас же значились как «примитивная и неразвитая форма жизни». Мое сердце вновь замерло и совершило кульбит от предстоящих перспектив. Своими глазами увидеть то, что мы могли наблюдать лишь на редких видео с зондов? Окунуться в мир фьордов, понять и прочувствовать потерянную цивилизацию? Увидеть их мир? Да, это дорогого стоит.

Главное, вернуться оттуда живыми.

– Готовы, Оливия? – спросил Максимилиан.

Я уверенно кивнула профессору.

– Конечно. Готова.

Мы придержали шапки, наблюдая за садящимся вертолетом.

Стена Тумана, разделившая два мира, находилась на северной границе Объединенной Конфедерации. Туда нас и доставит самолет Академии. Значит, сначала полет до аэродрома, потом полет до стены. После – несколько километров пешком, потому что на подъезде к Туману любая техника выходит из строя.

А возле стены нас должны встретить и открыть проход, закрытый от людей.

Я набрала в легкие воздуха.

– Готова, – повторила тихо.

Сергей не пришел меня проводить. Впрочем, я сама сказала, что это лишнее.

Дорога показалась мне слишком быстрой, может, оттого что я все-таки нервничала. Уже в самолете члены команды стали серьезными, смех и шутки прекратились. Мы даже не смотрели друг на друга, в последний раз обдумывая свое решение. Еще можно повернуть назад... теоретически. Но все мы верили в то, что делаем. Поэтому никто так и не заорал: выпустите меня!

В самолете мне даже удалось поспать, хотя обычно я плохо переношу перелеты. Но снотворное сделало свое дело, и я провалилась в дрему без снов. Очнулась, когда мы уже заходили на посадку, а в иллюминаторе стали видны квадраты земли, горы и стена Тумана между скалами. Она начиналась резко и плотно, отделяя людей от фьордов. Конечно, каждый житель земли неоднократно видел стену на картинках, фотографиях и видео. Я наблюдала ее и вживую, в студенческие годы нас привозили сюда на экскурсию. Помню, тогда она меня поразила. Потому что ни одно фото не способно передать подавляющую мощь этой туманной преграды. Туман – самая неизведанная и самая опасная субстанция в нашем мире, все достижения прогресса оказались перед ней бессильны. Проникнуть за пределы Тумана невозможно, люди теряются в белом мареве и умирают, так и не найдя выхода. Любая техника глохнет, словно жуткое марево уничтожает ее

изнутри. Лишь несколько раз ученым удалось запустить на другую сторону высокочувствительные зонды, спрятанные в семенах дерева. Это было невероятным прорывом, внушившим надежду всему человечеству. Полученные снимки мы ждали с невероятным трепетом. Но те немногие изображения, что удалось получить, не только испугали, но и шокировали всю ассамблею ученых.

И все же, теперь мы точно знали, что ильхи не только существуют, но и разумны.

Я потянула свой рюкзак и встряхнулась.

Что ж, пора узнать фьорды поближе. В конце концов, это то, ради чего я училась и работала долгие годы!

– Выходим, – сурово кивнул статный военный. «Юргас Лит. Безопасность» – значилось на металлической табличке его мундира. Да, у нас были такие обозначения, правда, мы не были уверены, что дикари умеют читать. Но ведь они ответили на наше послание! Коротко и сухо, но ответили... Значит, письменность им все же знакома, и язык у нас один, в своей основе сформированный еще до мирового разделения.

Я вздохнула. Закрытые от людей фьорды столетиями были очагом для разжигания мифов и небылиц. Чего только о них не рассказывали! Пора развеять хоть часть этих сказок. Ну или добавить новых.

Закинув рюкзак на плечи, я ступила на трап самолета. Солнце спряталось за тучи, хотя дождя не было. Ровной ше-

ренгой мы спустились на землю, оглядываясь на командира и Макса.

– Самолет будет ожидать нашего возвращения, – Юргас осмотрел наши сосредоточенные лица. – По условиям соглашения мы пробудем на фьордах семь дней и вернемся в полдень следующего четверга.

– Надеюсь, в том же составе и виде, – пошутил специалист по редким формам жизни Клинт Островски. Юргас пригвоздил его взглядом.

– Шуточки отставить. За стеной неприятеля держаться вместе и соблюдать инструкции. Вопросы есть?

Мы помялись, скрывая улыбки. Военные, что с них взять? Но сразу стали серьезнее, вспомнив, зачем явились сюда. И правда, не на увеселительную прогулку...

Инструкций мы выучили столько, что хватило бы на целую диссертацию. Юргас еще раз окинул суровым взглядом нашу мнущуюся шеренгу и кивнул.

– Следуйте за мной.

Мы гуськом потопали по дорожке, что вилась между зелеными травами, густо произрастающими у стены. Растительность здесь была сочной и яркой, мне показалось, что даже в загородном домике моей подруги Клис такой нет. А Клис у меня ландшафтный дизайнер и знает все о травах... Видимо, буйство растений объясняется климатом и стеной Тумана, что создает своеобразное орошение...

Топая за военными, я размышляла о чем угодно, лишь бы

не думать о том, что совсем скоро мы в этот самый туман войдем. Смертельный туман. Из которого еще никто не вернулся.

На миг стало так страшно, что дыхание перехватило внутри, и я полезла в карман, где держала ингалятор.

– Лив, с вами все в порядке? – обеспокоенно склонился ко мне Максимилиан.

– Да, профессор, – я вытащила руку из кармана, делая вдох. Улыбнулась обернувшемуся Юргасу и решила, что ингалятор пока подождет. Макс ободряюще кивнул и пошел вперед.

Через два часа мы приблизились к стене Тумана.

Самое ужасное, что чем ближе к нему подходишь, тем менее заметным он становится. Просто изменяется видимость, краски тускнеют. Человек и сам не понимает, как увязает в мареве, теряется в нем. И когда оборачивается – уже не видит привычной и ожидаемой картины. Везде остается только Туман. Один лишь бесконечный Туман – без начала и конца.

Поэтому почти весь периметр Тумана обозначен сигнальными столбами и колючей проволокой. Хотя, поговаривают, что и это не помогает, столбы загадочным образом исчезают, а люди все равно теряются. Единственный проход на нашем участке закрыли еще и шлагбаумом, который охранял сонный постовой. Караул здесь несли по сложившейся давным-давно привычке, хотя никто и никогда не выходил из фьордов. Так что караулили здесь скорее любопытных и бес-

шабашных, что решат влезть в Туман по глупости.

Юргас коротко переговорил с караульным, и шлагбаум поднялся, пропуская нас. Последний рубеж. Я усмехнулась про себя. Что ж, госпожа Оливия, вы всегда мечтали об открытиях. Так что – вперед!

Наш отряд притих, все настороженно рассматривали белую пелену впереди. Клин сложил пальцы защитным треугольником, приложил ко лбу. Максимилиан что-то шептал. Неужели молитвы Единому? Кто бы мог заподозрить в профессоре религиозность? Я не стала ни молиться, ни просить защиты у вечных сил. Я просто пошла за Юргасом, переставляя ноги и пытаясь не думать, что будет, если дикари нас не встретят.

Туман уплотнялся, но назад мы не оборачивались. И даже друг на друга не смотрели – страшно было. Члены отряда цеплялись взглядом за спину идущего впереди участника экспедиции. На каждом мундире имелась светоотражающая полоса, она пересекала спины желтой чертой, словно луч света. Вот на эти лучи мы и ориентировались. Звуки дыхания и шагов вязли в тумане, а время растягивалось сладкой патокой. И вот уже кажется, что мы двигаемся в этом мареве бесконечно долго. Года. Или столетия? Само время в этой жуткой белесой субстанции менялось и двигалось, словно и на него не действовали никакие законы.

– Стоп! – голос Юргаса прозвучал неожиданно громко, и я увидела, как вздрогнул идущий впереди Клин.

– Что случилось? – поинтересовался профессор за моей спиной. Я хотела пожать плечами, потому что, как и все, не знала, но осеклась. Туман внезапно начал редеть, словно подхваченный порывом ветра, хотя движения воздуха не ощущалось. Но несколько метров земли вдруг обрели четкость, образуя пятачок, на котором стояли члены экспедиции. А потом...

– Глазам своим не верю... – чуть слышно произнес Клинт. Из марева начали появляться они. Ильхи. Не менее десятка. Бронзовые голые торсы – безволосые и с такой впечатляющей мускулатурой, что даже мужчины засмотрелись. На бедрах – черные и клетчатые куски ткани, открывающие тазовые кости и заканчивающиеся у колен. Ниже – шкуры, обмотанные вокруг ног и служащие обувью. На плечах – тоже мех, причем вместе с мордами животных. Волки, лисы, ягуар... мой взгляд переместился выше, на лица. И я вздрогнула. Провалы глазниц, окровавленные лбы, губы, щеки! Чудовища! И лишь через минуту я поняла, что вижу маски, измазанные кровью. Вернее – черепа каких-то крупных животных, надетых на головы варваров.

Жуть!

Юргас очнулся первым, что и понятно, ему к кошмарам не привыкать. Кажется, наш командир получил ленту отваги как участник военных действий. Он разжал ладонь, которая судорожно искала у бедра рукоять пистолета, и сделал мягкий шаг вперед.

– Меня зовут Юргас Лит, я командующий экспериментальной экспедицией к фьордам. Ваше руководство одобрило наш визит. Поэтому я прошу предоставить нам сопровождающих и переговорщиков.

Я чуть слышно хмыкнула. А вот с дипломатией у Юргаса, кажется, проблемы! Какая пафосная речь, надо же!

Ильх, стоящий с краю, повернул ко мне голову и уставился в лицо пустыми глазницами звериного черепа. На его плечах лежала шкура черного волка, а за темными провалами костей я вдруг увидела золото радужек. Или мне лишь почудилось? И еще казалось, что варвар меня рассматривает. Внимательно, остро, неотрывно. И стало не по себе. Жутко стало. Что у них на уме? Бронзовые тела ильхов казались вылитыми из металла.

– Вы слышите? – повысил голос Юргас. – Вы понимаете человеческую речь?

Профессор рядом со мной издал протестующее шипение. Ильх с волком на плечах медленно повернул голову и посмотрел на нашего командира. И показал ладонью жест, который можно истолковать лишь как «следуйте за нами». Бронзовые дикари бесшумно распределились, беря нас в кольцо. «Черный волк» двинулся вперед, члены экспедиции – следом. Ильх шел, не оборачиваясь и не издавая ни единого звука. В белом мареве вновь вернувшегося тумана силуэты в шкурах казались то призраками, то жуткими чудовищами из кошмаров. Я смотрела на черный мех, чтобы не упустить его

из вида, потом – на спину, что виднелась из-под этого меха. Не помню, чтобы когда-нибудь видела подобную спину. Широкая, бронзовая, с четким рисунком рельефных мышц. Широченные плечи и руки с буграми мускулов и переплетением сухожилий. Позвоночный столб, который привык к тяжелым нагрузкам. Две ямочки у поясницы. Верх крепких ягодиц, виднеющихся из-под набедренной повязки.

Как антрополог я могла с уверенностью сказать, что вижу перед собой великолепный образец мужского тела. Даже я бы сказала – наилучший из всех, что довелось мне увидеть. С такого тела надо бы лепить скульптуры и выставлять в центральном музее, дабы люди могли лицезреть совершенный эталон.

В горле внезапно пересохло, я сглотнула. И споткнулась, когда ильх обернулся. Снова блеснуло в глазницах черепа золото. Чужой острый взгляд пригвоздил меня к месту.

Я испуганно облизала губы и посмотрела направо, где все время шел Максимилиан. Но сейчас его там не было. Рядом со мной вообще никого не было, кроме этого жуткого ильха с черным волком на плечах. Варвар сделал мягкий шаг, ноги в меховых унтах бесшумно скользнули по земле. Я вздрогнула, пытаюсь сдержать крик ужаса.

– Мы потерялись? – глупо спросила я, чтобы хоть что-то сказать. Тишина давила на плечи, как и туман, как и неподвижная угрожающая фигура ильха. Он склонил голову с окровавленным черепом, а потом... Потом поднял руку и

коснулся моего подбородка. Я сжала зубы, удерживая крик. Нельзя показывать зверям свой страх. Нельзя кричать, поворачиваться спиной, бежать. Нельзя. Даже если очень хочется. И поэтому я стояла, до боли выпрямив спину, подняв голову и неотрывно глядя на этот череп, за которым скрывается лицо. Горячий мужской палец погладил мою щеку. Илья склонился ниже и вдруг шепнул:

– Боишься?

Я так удивилась нормальной человеческой речи, что даже перестала бояться. Но кивнула честно.

– Да.

– Чего? – так же тихо произнес илья. Сейчас я видела его глаза – золотые радужки, расширенные зрачки, темные ресницы.

– Что? – не поняла я.

Палец варвара скользнул по моей коже. И коснулся губ.

– Чего ты боишься? – в тихом голосе прозвучала насмешка.

Я опешила. Чего я боюсь?

– Э-э... Смерти?

– Лжешь... – он снова тронул мои губы, и я осторожно отодвинулась.

И внезапно осознала, что илья прав. Да, смерть меня не пугала. Я ученый и понимаю, что смерть – лишь часть бытия, неизбежность. И потому нет смысла растрачивать на нее свой жизненный ресурс.

Ильх отчетливо усмехнулся. А потом убрал руки и отвернулся, молча устремившись в туман. Я двинулась следом, слишком обескураженная, чтобы думать или анализировать. И что это было? И кто он?

Утешало одно: варвары фьордов вполне разумны и умеют разговаривать – связно и осмысленно. Похоже, они не так примитивны, как мы думали.

Вот только я не знаю, радоваться этому или огорчаться.

Глава 3

Туман закончился так внезапно, что я не успела это осознать. Моргнула – и увидела, что мы стоим возле узкого прохода между скалами. И что рядом находятся все участники экспедиции. Профессор обрадованно улыбнулся, увидев меня.

– Лив! Слава Единому, вы здесь! С этим туманом что-то неладное, вы заметили? Я не смог определить природу этого явления... Надо бы взять образцы, вот только не уверен, что получится...

– Они нас понимают, – шепнула я профессору. Тот ответил быстрым взглядом и кивнул.

– Ты с ними разговаривала?

Я не успела ответить, а Макс осекся, когда ильх в шкуре красной лисицы поднял ладонь, привлекая наше внимание. А потом показал на узкую щель в скалах, что темным провалом темнела впереди.

– Совсем не хочется туда лезть, – проворчал Клин.

– Поздно, – хмыкнул Юргас, устремляясь во тьму. – Шевелитесь!

Вслед за ильхами мы прошли сквозь гранитный туннель и вышли с другой стороны. И замерли на краю открытой площадки. Налетевший порыв ветра заставил на миг зажмуриться, я заморгала, привыкая к свету. А потом не сдержала

изумленный и восхищенный возглас.

– Мать вашу... Ущипните меня! – прошептал рядом военный, имени которого я не запомнила.

Я кивнула, зачарованно рассматривая раскинувшийся перед нами пейзаж. Величественные горы, укутанные на вершинах снежным покрывалом и изумрудно-зеленые на склонах. Бесконечно-синяя вода, что змеилась в изрезанных ломаных берегах. Леса и озера невероятного мира, что никогда не видели люди. Дрожащие над водопадами радуги. Парящие стаи белых птиц. Небо невероятной синевы, отражающееся в воде.

От увиденного захватывало дух и почему-то хотелось плакать. Я ощутила слезы, катящиеся по щекам, а удары сердца грозили пробить грудную клетку.

Никогда в жизни я не видела подобной красоты, таких невероятных красок, не ощущала вкуса соли, приносимого ветром, не вдыхала миллионы запахов, что окутывали нас на этой скале. Я, лабораторная мышь, привыкшая к стерильной атмосфере Академии и сырому асфальтному запаху города, оказалась не готова к подобному.

Пальцы судорожно сжали баллончик ингалятора, я сделал шаг назад, за спины мужчин и поднесла спасительный сосуд ко рту. Короткий вдох и горький вкус лекарства, стирающий панику. Члены экспедиции не обратили на меня внимания, слишком поглощенные невероятной картиной, а вот ильх в черной шкуре наблюдал за мной внимательно. Я изобрази-

ла дружелюбную улыбку, показывая, что мой баллончик не несет угрозы. А то кто их знает, этих аборигенов...

Еще несколько минут мы восхищались пейзажем, а потом видимость снова снизилась из-за затянувшего фьорды тумана. Зато мы слышали цокот копыт и увидели повозку, которую тянули незнакомые мне звери.

– Разрази меня чахотка! – оживился Клин. – Это же горные ур-оноки! Но позвольте, разве эти звери не вымерли пятьсот лет назад?

– Вымерли, – буркнул наш лингвист Жан, – у нас. А здесь повозки возят, как видишь.

Я промолчала, рассматривая грубо сколоченный транспорт.

– Значит, колесо они уже изобрели, – чуть слышно пробормотал Макс рядом со мной. – И гвозди, похоже... Так-так! А это у нас что? Очень интересно...

Глаза профессора загорелись исследовательским интересом, и я хмыкнула. Хотя и сама озиралась с любопытством ученого. Паника отступила, задобренная лекарством, и мое сердце вновь стучало ровно. Нам указали на деревянные скамьи в повозках, и мы залезли внутрь. Сами ильхи оседлали тех самых ур-оноков, что походили на лошадей без грив, но с острыми шипами вдоль длинного черепа и гибкой шеи. Да и клыки этих животных указывали на их принадлежность к хищникам, а не травоядным.

Сидеть на жесткой скамье оказалось неудобно, низкий

бортик повозки казался слишком хлипким, чтобы на него опереться. «Фьи-и-и-иррр», – закричал ильх-погонщик, и мы довольно резво покатались вниз с холма, прямо в изумрудные высокие травы. Я повернулась боком, схватилась за бортик, опасаясь вывалиться на какой-нибудь кочке. Уроноки неслись вперед, не разбирая дороги, хотя она была – неприметная колея в зеленом ковре. Но даже такая тропка говорила о том что дорогой регулярно пользуются.

Члены экспедиции с азартом вертели головами, пытаясь рассмотреть больше, но вокруг высился лес. Травы поднимались так высоко, что мы видели лишь стволы, листья и серебристые венчики-метелки, которые осыпали нас мерцающей пылью, когда повозка проносилась мимо. Поверх этого травяного леса виднелись снежные шапки далеких гор – вот и весь различимый пейзаж. Ах да, еще было небо. Подняв голову, я замерла. Яркая, невыносимая синева и лазурь, расчерченная белыми перышками облаков. Я не помню такого неба в своем городе. Или я слишком давно не поднимала глаза?

Через два часа тряски в повозке мы заметно приуныли и уже не пытались высмотреть хоть что-то в зеленой массе. Картина не менялась. Ильхи скакали впереди и позади, мы подпрыгивали на кочках и ругались сквозь зубы.

– Эй, далеко еще? – не выдержал Юргас.

Нам никто не ответил. Так же как и на повторный вопрос через час и через еще два. Я прикрыла глаза, устав от мель-

тешения листвы, и стала размышлять о том, что надиктую в диктофон для первого отчета. Каждый наш шаг необходимо подробно описывать, чтобы потом можно было разобраться и проанализировать. Делать запись по дороге я не решилась, но мысленно составляла план будущего отчета.

Прошло еще три часа, и на фьорды опустилась ночь. Резко и как-о неожиданно. Травы выцвели, потеряли краски, а потом слились в одну сплошную стену. Зато взамен вспыхнули на бархате неба звезды – огромные, золотые, величественные. Такие яркие, что мы задрали головы, глядя на них. В городе всегда слишком много искусственного света, а звезды почти не видны. А здесь они сияли так, что хотелось лечь в траву и смотреть, смотреть...

– Красиво как, – пробормотал Максимилиан. И почему-то нахмурился. – Занятно...

– У меня от этой скамьи все кишки перемешались, – пробурчал Клинт. – Эта дорога когда-нибудь закончится?

– Ну, пока мы тут трясемся, мы, по крайней мере, живы, – философски заметил Жан. – А прибудем, может, там нас и зажарят...

– Вы всегда были оптимистом, – хмыкнул его друг Клинт.

Я снова промолчала. Тело и правда ломило от долгой и неудобной позы, но протестовать не было смысла. И когда повозка вдруг выехала на открытую площадку, а потом остановилась, я даже не сразу поняла, что наш путь закончен.

Ильхи, спешившись, вновь окружили нас.

– Идите за мной, – скомандовал «волк».

Кряхтя и разминая затекшие тела, мы сползли на землю и вновь завертели головами. В свете звезд и нескольких факелов, воткнутых в землю, мы увидели шатры из шкур и грубого полотна. Их было около двух десятков, рассмотреть подробнее в темноте оказалось невозможно. Фигуры ильхов в этом сумраке вызывали дрожь, особенно их ужасные звериные черепа.

Ильх, который, похоже, был здесь главным, остановился перед нами.

– Дорога утомила вас. Утром я отвечу на ваши вопросы. А пока идите за мной, я покажу, где можно отдохнуть.

Жан улыбнулся, услышав понятную речь, остальные члены экспедиции тоже заметно обрадовались. Мы двинулись вслед за ильхами, но мне преградили путь, отрезая от остальных членов экспедиции.

– В чем дело? – нахмурился Юргас.

– Женщине нельзя проводить ночь в одном доме с мужчинами. Женщина должна быть отдельно, – пояснил все тот же ильх. Остальные по-прежнему молчали.

– Что? – опешила я. – То есть?

– Женщина отдельно, – резко повторил «волк», в его голосе скользнули командные нотки.

Юргас нахмурился, явно не зная, как поступить. Не хотелось спорить с аборигенами или нарушать их табу. К тому же я так устала, что была согласна провести ночь в женском

шатре, лишь бы, наконец, вытянуться на горизонтальной поверхности.

– Не переживайте, Юргас, со мной все будет в порядке, – успокоила я нашего начальника безопасности. – Разделение по половому признаку – нормальное явление для многих народов. Не будем противиться традициям наших гостеприимных хозяев.

Юргас недовольно насупился, но голову склонил.

Пока я говорила, ильх в черной шкуре смотрел на меня, я прямо чувствовала взгляд, прожигающий мне кожу. И заглянула в провалы глазниц его маски.

– Я готова идти, – сказала я как можно доброжелательнее.

Он медленно кивнул и шагнул в сторону темных шатров. Я же кинула последний взгляд на своих коллег, что смотрели обеспокоенно и тревожно. Улыбнулась, всем своим видом показывая, что ничуть не боюсь. И пошла за ильхом.

Вокруг стояла тишина. Вязкая и густая, как и эта ночь. Не было слышно ни сверчков, ни других насекомых. Возможно, они здесь просто не водились. Провожатый остановился у крайнего шатра, откинул полог и замер, пропуская меня. Я осторожно ступила внутрь, ожидая увидеть местных женщин. Но внутри было пусто. Постель из уже привычных шкур, очаг с горячими камнями и котлом, угол, в котором стояло несколько глиняных мисок и круглый тусклый камень, что освещал убранство. Я остановилась оглядываясь.

– То есть... я буду здесь одна? – удивленно повернулась

к мужчине.

Он кивнул и ткнул пальцем.

– Спи. Я приду утром.

Ткань полога опустилась за ним, закрывая вход. Я еще постояла, хлопая глазами. А потом пожала плечами. Изменить ситуацию я все равно не могу, так что лучше принять ее как есть. С облегчением скинула с плеч тяжелый рюкзак, сняла обувь и куртку. Потом, прислушиваясь к звукам снаружи, присела у котла, в котором плескалась теплая вода. Умылась. Достала из рюкзака влажные салфетки и с их помощью привела себя в порядок.

Из-за шкур не долетало ни шороха, словно мир вокруг замер. Или застыл. Я помялась, размышляя, что делать. Потому что у меня была еще одна потребность, которую срочно нужно было удовлетворить. Вот только я не ожидала, что окажусь одна и без поддержки. И не вовремя вспомнила, что я не только ученый, но и женщина.

Однако организм требовал облегчения, и я выглянула из-за шкуры. Глаза привыкли к темноте и стали различать очертания других шатров и деревьев за ними. Недалеко темнели кусты, показавшиеся мне вполне привлекательными. Озираясь и прислушиваясь, я прокралась к ним, расстегнула комбинезон.

– Не здесь, – раздался из темноты голос, и я чуть не надедала прямо в штаны. Фигура ильха словно соткалась из мрака, и я не смогла сдержать раздраженный вздох.

– Проклятие! Ты мог бы не пугать меня! Да я чуть... ладно, неважно. Мне нужно... справить естественную потребность организма, понимаешь? И не мог ты бы просто отойти и дать мне сделать это?

Ильх склонился надо мной.

– Я могу, – в его голосе явственно скользнула насмешка. – Но здесь змеи.

Я отпрыгнула от кустов, с ужасом натягивая на себя ткань комбинезона.

– Идем, – кивнул мужчина. Его силуэт во тьме казался еще массивнее. И мы снова вошли в мой шатер. Ильх сделал несколько шагов и указал на глиняную чашу в углу, которую я не заметила. Ткнул пальцем: – Здесь.

– В... доме? – растерялась я.

Ильх отчетливо фыркнул и снова кивнул. Посмотрел выжидающе.

– Змеи, – повторил он. – Ночью не выходи.

Я покосилась на чашу. Ну, конечно, чего я ожидала? Канализации и водопровода? Размечталась!

– Хорошо, я поняла, – вздохнула покорно. – Спасибо.

Ильх стоял, не двигаясь, я же чувствовала себя невероятно глупо, топчась рядом и придерживая расстегнутый комбинезон. Еще раз осмотрев меня, ильх покачал головой и удалился. Я немного подождала, прислушиваясь, а потом с облегчением присела над вожаделенной чашей, а потом прикрыла ее широкой глиняной крышкой, посмеиваясь над со-

бой. Да уж, я явно испорчена благами цивилизации, и ночной горшок в углу вызывает во мне приступы брезгливости и желание срочно избавиться от этого сосуда. Но если в траве змеи, то мне, и правда, лучше воздержаться от прогулки.

Я вымыла руки и села на шкуры в противоположном углу. Достала из рюкзака суперлегкий спальный мешок, встряхнула его, дождалась, пока ткань надуется, и влезла внутрь. Тонкая ткань из ошленового волокна в тот же миг окутала теплом, и захотелось просто закрыть глаза и уснуть. Но я вспомнила о долге ученого и включила диктофон.

– Отчет первый, Оливия Орвей, антрополог. Мы прибыли в поселение ильхов, – негромко начала я. Замолчала, обдумывая.

Мы прибыли в поселение ильхов! На потерянные фьорды! Сама не верю, что говорю это!

Выдохнула, сдерживая эмоции, и коротко рассказала обо всем, что увидела по дороге, описала поведение и внешность ильхов. И привычно закончила: – Первичные впечатления: ильхи разумны. Они способны приручить диких животных, строят жилища и повозки, шьют одежду и ручную производят глиняную посуду. Пока я видела лишь самцов, но отделение меня от основной группы говорит о гендерных табу местного населения. Скорее всего, мы имеем возможность наблюдать первобытно-общинный строй, основанный на собирательстве и охоте. Экспедицию встретили довольно дружелюбно, признаков агрессии пока не заметила. Общается с

нами один ильх, по косвенным признакам он похож на местного лидера. Я слышу в его речи легкое искажение звуков, но слова он произносит правильно. Очевидно, что у нас одинаковая языковая основа. Дальнейшее наблюдение даст более полную картину жизни ильхов. Отчет закончен.

Щелкнула кнопкой и вернула диктофон в рюкзак. А потом с облегчением смежила веки. Несколько сухих таблеток, которые я проглотила еще в пути, пока утоляли мое чувство голода. К тому же его глушила усталость. И я решила, что сон мне сейчас важнее еды.

* * *

Утром меня разбудили звуки. Я открыла глаза и минуту недоуменно рассматривала темное полотно крыши, не понимая, куда делся мой белый потолок с глазками серебристых встроенных ламп. Потом моргнула и вспомнила. Потянулась на своем ложе, расстегнула спальный мешок. И чуть не заорала, увидев мужчину. Он сидел на пятках, неподвижно, как изваяние забытому богу, и смотрел на меня. А после испуга пришло восхищение, потому что я никогда в жизни не видела такого великолепного образца мужской породы. У моего незваного визитера волосы оказались темными, короткие спереди, на висках сбриты рваными линиями и длинные – до плеч – сзади. В сочетании с янтарными, почти золотыми глазами, это выглядело необычно. Мой взгляд метался по

лицу: мужественному, с четко очерченными тонкими губами, твердым подбородком и острыми скулами. Нос с легкой горбинкой и пара шрамов над бровью не только не портили этого ильха, но и придавала ему еще больше мужественности. Несколько мазков красной краски на щеках. Обнаженное тело прикрыто лишь набедренной повязкой из куска кожи. На безволосой груди ожерелье из клыков и перьев, красивое и странное. Бронзовая кожа, мощные руки, выгоревшие на солнце волосы на руках и ногах. На шее – широкое черное кольцо, похожее на ошейник. Возможно ли, что это означает подчиненное положение данного ильха? Или это лишь украшение?

На вид ильху около тридцати лет, хотя в этом я могу и ошибаться. И я ни на миг не усомнилась, что это не кто иной, как «волк». Золото его радужек было заметно даже под маской.

Я мысленно прокрутила в голове описание мужчины, чтобы не забыть отметить его внешние данные в отчете. Села на постели боком, с трудом удерживаясь от профессионального любопытства и желания потрогать это скульптурное лицо. Оценить форму черепа, ощупать лицевые кости, изучить мускулы, мышцы, качество кожи! Просто невероятный экземпляр! Но решила, что не стоит делать это прямо сейчас, лучше все же подождать и попытаться наладить контакт.

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась я.

Он слегка склонил голову набок, продолжая меня рас-

смаатривать.

– Меня зовут Оливия Орвей, – дружелюбно улыбнулась я. – Я антрополог. Ученый, изучающий человекоподобные биологические виды. Наверное, я сказала слишком сложно... – закусила губу, размышляя. И указала на себя. – Я изучаю людей. Таких, как я. Или ты. Понимаешь? А тебя как зовут? У тебя есть имя?

– Человекоподобные виды, – повторил ильх, не моргая глядя на меня. Его тон я расшифровать не смогла. Что было в нем? Насмешка? Непонимание? Просто любопытство? Не ясно. Надо сделать пометку об особенностях голосовых модуляций.

– Да, все верно, – ободрила я, стягивая с плеч ткань спального мешка и приглаживая волосы. – Мы с тобой человекоподобные виды. И если ты позволишь, я хотела бы рассмотреть тебя подробнее... Если это возможно.

Ильх склонил голову набок. А потом легко выпрямился и снял свою набедренную повязку. Я моргнула. Открыла рот. Закрыла. Сглотнула. И истерически покраснела. словно не ученый-антрополог, а глупая студентка-первокурсница.

Конечно, от неожиданности, потому что опешила, увидев прямо перед собой гладкий, большой и довольно... э-э-э красивый мужской орган. Он не был возбужден, но даже в таком виде производил впечатление. Сокрушительное.

– Могу констатировать, что детородные органы также соответствуют человеческим, – глухо пробормотала я, пытаюсь

отвести взгляд от паха ильха.

– Начи снимать? – прозвучало сверху, и я непонимающе моргнула. С трудом подняла голову.

– Что?

– Начи. – Ильх указал на свою ногу, обмотанную шкурой.

– Обувь, – слабым голосом повторила я.

– Снимать? – темная бровь приподнялась. – Ты хотела меня рассмотреть.

И не дожидаясь ответа, легко наклонился, развязал кожаные шнурки, размотал мех. И снова выпрямился, глядя на меня. Обнаженный. Бронзовый. Совершенный, если не считать многочисленных шрамов на его теле. Я молчала, и ильх сам развернулся, дав мне возможность рассмотреть его сзади. Бронза. Белые росчерки рубцов. Выгоревшие волосы на некоторых местах, там, где у мужчин должны быть волосы... Невероятная спина. Крепкие ягодицы. Развитые мышцы бедер... Ох!

Я сглотнула, а ильх снова развернулся лицом. Стоял, чуть расставив ноги, и смотрел, склонив голову. Не шевелясь. Даже не моргая. Статуя, а не человек! Похоже, смущения или неудобства он тоже не испытывал, значит, ходить обнаженным для ильха норма. Впрочем, это я и так поняла, набедренную повязку трудно назвать одеждой. Я указала на кусок кожи, что сейчас лежал на полу.

– Вы всегда надеваете это? Другой одежды нет?

– Еще есть ширс на случай холодов. И теплый ширс, если

горы разгневаются.

– Ясно.

Ширс и теплый ширс, так-так. Не мешало бы на них посмотреть. Сдается мне, это тоже шкуры, но интересно, каким видом шитья они уже овладели! Связывают они шкуры или уже сшивают? Энтузиазм исследователя охладил мое женское смущение. Хотя это было непросто. Да, я ученый, но изучаю в основном скелеты, а не столь живое и мощное воплощение мужской силы.

Я откинула спальник и встала, напомнив себе, зачем я здесь.

– А это что? – протянула руку, желая коснуться темного кольца на шее ильха. И тут же мое запястье оказалось сжато тисками его пальцев. Золотые глаза сузились, зрачки на миг вытянулись в линию. Я изумленно уставилась на них, закинув голову, потому что ильх был гораздо выше меня.

– Никогда. Не прикасайся, – тихо сказал он.

Я хрипло втянула воздух, ощутив неприкрытую угрозу. Кажется, я только что нарушила какое-то важное табу аборигенов.

– Я прошу прощения, – склонила голову, демонстрируя позу покорности и смирения. Так, тон доброжелательный, тональность средняя. Тело расслаблено. Никакой агрессии. – Я не знала. Я не хотела оскорбить вас или обидеть. У нас нет такого. И к нашим шеям можно прикасаться. Я еще раз прошу прощения.

Застыла, удерживая рвущееся дыхание и пытаясь не напрягать тело. Честно говоря, удавалось с трудом. Я просто физически ощущала ужас, что поднимается из глубины моего нутра и затапливает разум чернотой. В глазах поплыли красные пятна, кровь набатом стучала в висках. Бежать, бежать, смерть, смерть... мне казалось, я уже слышу это.

И не знаю, к чему это привело бы, но ильх разжал пальцы, и сразу дышать стало легче.

– Принимаю, – медленно произнес он, – Оливия Орвей.

Я вскинула голову.

– О, ты запомнил!

– Конечно, – ильх усмехнулся и неожиданно улыбнулся. – Это несложно. Твое имя совсем простое. Меня зовут Сверр Рагнар Хеленгвель Хродгейр.

Я набрала воздуха.

– Очень рада знакомству, Сверр Рагнар Хеленгвель Хродгейр. Так говорят там, где я живу.

В золотых глазах на миг блеснуло удовольствие и даже удивление, а я вознесла хвалу своей памяти, во многом благодаря которой в таком возрасте стала одним из ведущих антропологов. Мою способность запоминать называли феноменальной, а я просто радовалась, что она у меня есть.

Ильх медленно кивнул, а потом...

– Теперь я хочу рассмотреть тебя, Оливия Орвей.

Я опешила.

– Что?!

– Я. Хочу. Рассмотреть тебя. Подробно. – Повторил он так, словно это я была неразвитой аборигенкой.

– Но...

Он хочет, чтобы я разделась! Чтобы сделала то же, что и он – сняла с себя всю одежду. Но я не могу этого сделать!

– У нас так не принято, – пробормотал я, теряясь под взглядом золотых глаз. Гадство какое... вот же влипла! – Понимаешь, если бы я была мужчиной... Или ты женщиной... но... У нас женщина не раздевается перед незнакомым мужчиной!

– У нас тоже мужчины не раздеваются, – коротко отрезал он. – Но ты ведь хотела меня рассмотреть, Оливия Орвей. Я сделал то, что ты хотела. Проявил... – он свел брови, подбирая слово, – гостеприимство.

– Но это... я не могу! – в отчаянии воскликнула я. Кажется, такими темпами я провалю нашу миссию! И из-за чего? Из-за женских комплексов? Единица, госпожа Орвей, покиньте аудиторию! Грош вам цена как специалисту. Истеричная вы баба, а не специалист! Но я действительно не могла раздеться. От паники я даже начала слегка задыхаться и покосилась на свой рюкзак, в котором лежал ингалятор.

Я знаю, что в одежде выгляжу вполне нормально. Конечно, далеко не первая красавица Конфедерации, но и не уродина. Темные волнистые волосы до плеч, светло-зеленые глаза, стройная фигура с нужными округлостями. Да, бедра можно бы и уменьшить, а грудь увеличить, но и так я вполне

привлекательна.

Но раздеться?

Нет-нет!

Так, главное – не паниковать. Надо воспринимать иль-ха как... как зверя. Неразумного, нецивилизованного зверя! Я же не смущаюсь, раздеваясь перед котом своей подруги Клис, которого она порой привозит мне на передержку! Вот и здесь почти то же самое...

Я посмотрела в золотые насмешливые глаза и сникла. Не то же самое. Совсем, совсем не то же самое. Пожалуй, мне было бы проще раздеться перед аудиторией студентов в Академии Прогресса, чем перед этим ильхом.

– Я... не могу, – выдохнула обреченно.

– Почему? – ильх сверлил меня взглядом. И снова от одной мысли, что я сниму одежду и встану перед ним голая, краска прилила к щекам. Он резко втянул воздух.

– Это... не принято. Как... – взгляд упал на его шею. – Как у вас не принято прикасаться к обручу! Понимаешь? Табу. Запрещено! Я женщина. Мы не раздеваемся перед мужчинами. Если... если не состоим в отношениях.

– Отношениях?

– Да! Отношения. Брак. Ну или... Или любовь. Чувства. У нас женщина раздевается перед тем мужчиной, к которому испытывает чувства. Ты понимаешь?

Ильх снова приподнял бровь.

– Значит, ваши женщины не раздеваются, когда просто

хотят... спариться?

Я, кажется, снова покраснела. Просто замечательно. Да я не краснела со школы! Ни разу! Я была уверена, что и вовсе не умею это делать! А теперь вот третий раз за пятнадцать минут.

– Бывает, – беспомощно пробормотала я. – Если испытывают сильное желание.

– Что надо сделать, чтобы ты испытала сильное желание?

Я на миг закрыла глаза, призывая все свое красноречие. Ну и разум заодно.

– Ничего не надо делать. Я... ученый, понимаешь? Я... – задумалась, не зная, как объяснить. – Я не вступаю в отношения с мужчинами!

Ильх приподнял брови и обошел меня по кругу рассматривая.

– Почему?

– Моя жизнь посвящена науке! – выпалила я, начиная потихоньку закипать от этих вопросов. – Изучению. Исследованиям. Никаких... отношений! Понимаешь?

– Нет.

Он остановился за спиной, и меня обожгло мужское дыхание у виска. И жар чужого тела, которое находилось слишком близко. Я попыталась забыть, что это тело еще и обнажено.

– Э-э, это трудно объяснить...

– Даже ученому, что изучает человекоподобные виды? –

и снова насмешка. Уже явная, неприкрытая.

Я открыла рот. Да уж, уделал вас варвар, госпожа Орвей. Туше. И вывод: ильхи совсем не глупы. По крайней мере, этот конкретный златоглазый ильх. Скорость его реакций на высоком уровне, сложные слова запоминает с первого раза, отвечает не односложно.

Интересно.

Краснеть я перестала, потому что женщину во мне отодвинул ученый. Даже не отодвинул, а бескомпромиссно запер в чулане, решив заняться любопытным экземпляром. А ученый у нас, как известно, существо бесполое.

– Давай считать, что мы выяснили два запрета наших народов, – примиряюще произнесла я, оборачиваясь и почти нос к носу сталкиваясь с ильхом. Он и правда стоял слишком близко. – У вас запрещено прикасаться к шее. У нас женщины не раздеваются перед посторонними мужчинами. Но я очень ценю твое гостеприимство. И если хочешь рассмотреть подробнее, то любой из моих... друзей разденется для осмотра.

Сверр медленно склонил голову, и его губы изогнулись в улыбке. Но не разжались. Я сделала еще одну мысленную зарубку. Надо бы осмотреть его зубы как-нибудь... и пересчитать, если получится. Сузившийся в ниточку зрачок не давал мне покоя. Неужели у нас с ильхами все же разный генетический код? Или мне просто почудилось спросонья? Я уже не уверена, что видела тот кратковременный и пугающий миоз.

Вот бы сделать анализ его крови...

Я кровожадно осмотрела руки ильха с четкими венами. Мне и надо то всего пару капелек! Но вряд ли абориген обрадуется, если я воткну в него иглу. А может, удастся разжиться волосками или фрагментами кожи?

Словно услышав мои мысли, варвар нахмурился и сделал шаг назад. Похоже, я слишком увлеклась, как бы не настроить ильха против себя! Ведь я и так уже сглупила с этим разведением. А ведь придется еще и отчет составлять, да подробно обо всем рассказывать... Проклятие! Боюсь, ученому совету совсем не понравится моя стеснительность.

Я подавила раздражение и развела ладони, широко улыбаясь, чтобы продемонстрировать доброжелательность.

Сверр отчетливо хмыкнул, глядя на меня.

– Я тебя понял, Оливия Орвей. Я подожду тебя снаружи. Остальные уже там.

– Все уже проснулись? – обрадовалась я. – Хорошо, я быстро.

Подобрав свои меховые начи и кусок кожи, ильх развернулся и как был, обнаженный, покинул шатер. Я же упала на постель и выдохнула, только сейчас осознав, в каком напряжении находилась.

Нервно усмехнулась и кинулась приводить себя в порядок. Что-то мне подсказывало, что стучать ильх не будет и просто войдет, устав ждать. Не хотелось бы, чтобы он застал меня над тем самым горшком.

Глава 4

Торопливо умывшись и оправив одежду, я откинула полог шатра и прищурилась. Сейчас, при свете утреннего солнца, я видела, что жилищ было около трех десятков. Стояли они кругом, в центре располагался сложенный из камней очаг, очевидно, для приготовления пищи. Забор или другие оградительные сооружения отсутствовали. Лишь высились столбы из черного дерева, имеющие причудливую форму и расположенные по периметру «лагеря».

Неужели у ильхов нет врагов? А дикие животные? Кстати, надо бы выяснить, какие из них здесь водятся.

За шатрами шумел лес. Совсем не такой, к которому я привыкла. За Краосом – городом, в котором я жила, – тоже высился лес, у Сергея там даже был небольшой загородный дом. И будучи студентами, мы ездили туда на выходные.

Но тогда я не знала, что наш родной лес даже нельзя называть этим словом. Так, лесок. А вот здесь, за шатрами из шкур... Деревья. Огромные, качающие на макушках облака. Темные шершавые стволы, мох, густо облепивший кору. Изогнутые ветви, широкие листья. Трава у подножия – сочная, густая, высокая. Кое-где, пожалуй, выше моего роста. И все это какое-то основательное, монументальное, исконное. Древнее. Казалось, этим деревьям тысячи лет. И лес этот видел сотворение мира... С сизой скалы справа спадали деся-

ток ниточек – водопадов, которые внизу били в чашу-озеро.

– Это подножие Горлохума, – негромкий голос за спиной заставил меня вздрогнуть. Повернула голову и встретила взгляд золотых глаз. – Горы предков.

Я первым делом покосилась на бедра ильха, но они, к счастью, уже были прикрыты куском грубой ткани. Подняла голову и выдохнула. Там, за могучими кронами, синел контур скалы, темнел макушкой, а еще выше лежало белое облако.

– Горлохум сегодня милостив, его дыхание белоснежно, – закончил ильх.

– Вулкан, – выдохнула я. – Вы живете у подножия вулкана!

Ильх пожал плечами. А я опасливо глянула на облака. Надеюсь, Горлохум не выберет конкретно этот день, чтобы разгневаться и залить все вокруг лавой? Надеюсь, что нет.

– А Горлохум давно милостив?

– Черное дыхание Горлохума не видели уже очень много лет. Не бойся, Оливия Орвей.

– Лив, – автоматически поправила я. И пояснила непонимающему ильху. – Меня можно называть просто Лив. У нас так принято сокращать имена.

– Они и так коротки, – насмешливо отозвался ильх. Блеснул глазами. – Можешь называть меня... Сверр. Лив.

– Спасибо, – с облегчением произнесла я. Все-таки я боялась споткнуться на его зубодробительном имени.

– Оливия, с вами все в порядке? – ко мне уже направлялся

Максимилиан, за ним маячили лица Юргаса и других членов экспедиции. Начальник службы безопасности смотрел на меня с неодобрением, причину которого я понять не могла. Но решила пока не придавать этому значения, возможно, мне просто показалось.

– Все отлично, я замечательно выпалась, – улыбнулась всем сразу. – А как вы?

– Под впечатлением, – признался профессор и махнул рукой в сторону леса. – Вы уже видели? Реликтовые вечнозеленые иршиты, что давно не растут у нас. Исчезнувшие мхи. Деревья. Я чуть не сошел с ума, увидев все это. – Максимилиан снял очки и протер безупречно чистые стекла. Еще по годам учебы я знала, что это означает высшую степень его волнения. Водрузив окуляры на место, профессор покачал головой. – Это неслыханно, Лив. Просто невероятно...

И, бормоча себе под нос, удалился к какому-то кусту. Остальные члены нашей группы тоже выглядели слегка ошалевшими. Может, потому что отвыкли вдыхать столь чистый воздух, в котором не было примесей смога или пыли.

– Я покажу вам поселение, – сказал за моим плечом Сверр. – Потом мы вас накормим. Идемте.

Мы вразнобой покивали и пошли за сопровождающим. Селение ожило. Из шатров то и дело выходили ильхи, провожали нас взглядами, понять которые мы не могли. Но агрессии аборигены не высказывали, и через некоторое время даже Юргас прекратил зыркать вокруг исподлобья и убрал ру-

ку с парализатора. Осмотр поселения оказался не слишком длительным просто потому, что смотреть было особо нечего. Как я и заметила изначально, здесь располагались три десятка шатров, в которых проживали ильхи. Внутренне убранство почти идентично: в каждом лежанки со шкурами для сна, грубые очаги в центре, дыры в крыше для воздухоотвода, низкие деревянные столики, на которых высилась глиняная посуда, и различная утварь вдоль стен. Жилища располагались вокруг главного дома – обмазанного глиной, с красной крышей.

– Шиар, – сказал Сверр, указав на него.

– Шиар? Что это значит? – заинтересовался Макс и повернулся ко мне. – Лив, вы заметили, что у ильхов довольно много непонятных нам слов, хотя основа языка одинакова. Вероятно, некоторые слова образовались у них с развитием ремесел или появление новых предметов, как, к примеру, колесо или игла. Но вот называли они их уже не так, как мы. Удивительно, правда? Так что означает шиар?

– Шиар – это шиар, – отрезал Сверр, пожал плечами. Мы не стали настаивать, решив, что успеем все разузнать. В том числе и про этот непонятный дом с красной крышей. Пока мы осматривали жилища, инвентарь и повозки с тягловыми животными, ильхов вокруг стало гораздо больше. Они тащились за нами, смотрели не мигая, втягивали воздух, принимаясь.

– Изумительный генофонд, – бормотал рядом со мной

лингвист Жан. – Просто изумительный. Лив, ты видела?

Я видела. То, что ильхи красивы. То, что они похожи на бронзовые статуи, что стоят у нас в музее антропологии. Что их мышцы развиты образом жизни, а не тренажерным залом, а шрамы получены в бою, а не в салоне какого-нибудь новомодного мастера. Одеты лишь в набедренные повязки и начи, местные жители производили сногшибательное впечатление. Большинство ильхов оказались светловолосыми, цвет варьировался от русого до пшеничного, радужки – насыщенных голубых или зеленых цветов. Похоже, отрезанные от остального мира, варвары сохранили свои первоначальные внешние данные. У них не было возможности смешивать кровь с другими народностями, и потому сейчас я видела перед собой прекрасные образцы генотипа, который почти утерян в современном мире. В Конфедерации уже давно преобладает темная масть. Мои светло-зеленые глаза были почти атавизмом и моей тайной гордостью. А здесь я видела еще десяток мужчин с цветом травянистым цветом радужек.

Потрясающе!

Но что интересно, матовый обруч темнел лишь на шее Сверра, хотя на большинстве мужчин и красовались различные украшения, но в основном сделанные из кожи. Множество нитей с перьями и звериными клыками, длинные волосы, заплетенные в косички, кожаные ремешки и браслеты, а также мазки красной краской на лицах и телах завершали портрет местного населения. Мне безумно хотелось рас-

смотреть все это подробнее, но я вновь заставила себя подождать. И уже мечтала о том, чтобы заполучить в свою лабораторию хоть одного варвара! Хотя бы на сутки!

Я очнулась от своих размышлений, поняв, что Жан толкает меня локтем.

– Они смотрят на тебя, – шепнул он.

Я осторожно повертела головой, констатируя, что коллега прав. Ильхи смотрели. Рассматривали даже. Склоняли головы, втягивали воздух, прищуривались. Изучали меня с ног до головы, и на их лицах возникало озадаченное выражение.

– Что происходит? – я инстинктивно шагнула ближе к своим. – Почему они так смотрят?

– И почему мы пока не видели ни одной женщины, – добавил Юргас. Его пальцы снова сжались, желая выхватить из кобуры парализатор.

– Спокойно, господин Лит, – шикнул на него Максимилиан, сверкая стеклами очков. – Обойдемся без оружия!

Один из ильхов отделился от толпы и что-то резко сказал. Гортанно, отрывисто. Совершенно непонятно. Смотрел он при этом на меня. Сверр лениво повернул к нему голову и ответил. Так же непонятно.

– Вот вам и единство языка, – сердито хмыкнул Жан. – Я даже основу не разобрал.

Незнакомый голубоглазый ильх снова открыл рот, в его голосе скользнули гневные нотки. Сверр ответил. Мягко, да-

же тихо. И толпа ильхов поддавалась назад. Разговоры смолкли.

Наша маленькая группка в черных комбинезонах со знаком Академии Прогресса на груди тоже застыла, настороженно озираясь.

– Что происходит? – не выдержала я.

– Ничего, – Сверр повернул голову к нам. – Я объяснил, что вы наши гости.

– Почему вы говорите на разных языках? – потребовал объяснений Юргас.

– Я говорю на языке северного фьорда, – негромко пояснил Сверр. – И могу общаться и с вами, и с ними. И на ваше письмо тоже ответил я.

– Невероятно! – всплеснул руками Жан. Маленький и щуплый, он взирал на ильхов как на богов. – Значит, на фьордах даже произошло языковое разделение! Можно попросить их еще что-нибудь сказать? Я хотел бы разобрать основу этого диалекта...

– Да, но позже, – Сверр снова улыбнулся, не размыкая губ. – Думаю, вы проголодались.

– Еще как! – воскликнул подвижный, словно ртуть, Клин. – Осмотр ваших достопримечательностей очень утомляет!

Мужчины рассмеялись. Сверр склонил голову и направился к центру поселения, туда, где располагался огромный очаг и откуда уже пахло едой.

– Он не ответил про женщин, – шепнул мне на ухо Жан. – Ты заметила? Может, их тут вовсе не существует? Одни мужики кругом. Странно...

Я заметила. А еще задумалась над тем фактом, что из всего племени понимает нас лишь Сверр. Так получается? Профессор рядом со мной тщательно протирал свои очки.

* * *

Однако обеспокоиться всерьез мы не успели. Просто потому, что приблизившись к огню, увидели тех самых несуществующих представительниц прекрасного пола. С десятков женщин разного возраста суетились возле огня, занимаясь работой, которую издревле выполняли все хранительницы очага. Что-то варили в котле, резали овощи и толстые стебли, подкидывали угли и ворчали, обжигая пальцы о кипятки. Рядом крутились ребятишки – чумазные и жизнерадостные, как и положено детям, где бы они ни выросли.

И надо признать, у меня отлегло от сердца, когда я увидела эту картину. Потому что на какой-то миг я действительно испугалась. Мои коллеги тоже заметно расслабились и оживились. Сверр сделал рукой приглашающий жест, что-то быстро сказав женщинам. Те вытаращились на нас так же бесцеремонно, как совсем недавно их мужчины. Одна из аборигенок – с множеством светлых и весьма грязных косичек – ткнула пальцем в Жана и что-то прочирикала на своем непо-

нятном языке. Остальные рассмеялись, и стало без перевода понятно, что прозвучала женская сплетня.

Жан обиженно шмыгнул носом.

– Надо признать, что местные красотки совсем не так привлекательны, как их мужчины, – буркнул он.

Я кивнула. Действительно, женщины оказались коренастыми и низкорослыми, серые туники не скрывали коротких ног и мускулистых рук. Лица тоже выглядели грубыми, почти мужскими. Жан рядом со мной торжествующе хмыкнул.

– Может, подарить им зеркало, чтобы не тыкали пальцем во всех подряд?

– В природе самки часто выглядят гораздо менее ярко, чем самцы, – задумался Клин. – Закон природы, мой друг. Это мужчинам нужно доказать свое право на спаривание.

Жан презрительно фыркнул.

– Варварство...

– Жан, угомонитесь, – приказал Максимилиан и повернулся к Сверру. – Скажите, как далеко находятся местные поселения друг от друга?

Ильх пожал плечами и указал нам на шкуры вокруг костра. Сам легко сел, поджав ноги, мы, помявшись, последовали его примеру.

– Клан Лон-ир находится в десяти днях пути на восток. Клан Ос-лор у берегов Черного Озера, это еще дальше.

Я тихонько вытащила маленький блокнотик и сделала запись: «Умеет считать до десяти».

– Они живут так же, как и это поселение?

– Примерно.

Коллеги торжествующе переглянулись.

– Скажите, а сколько таких, как вы? Кто понимал бы нашу речь?

Ильх снова пожал плечами. Я уже заметила, что этот жест применяется им с легкостью, если отвечать Сверр не желает.

– Что означает кольцо на вашей шее?

Еще одно пожатие плечами.

Вопросы сыпались на ильха беспрерывно, правда, порой его ответы запутывали нас еще больше. Между тем к огню подтянулись и другие мужчины, правда, в значительно меньшем составе, чем мы видели полчаса назад.

– Охота, – легко сказал Сверр. – Они должны добывать еду.

– Ну конечно, – пробормотал Юргас. – Мы могли бы это увидеть? Вашу охоту?

Сверр задумчиво посмотрел в огонь и кивнул.

– Скоро.

Мои коллеги обрадованно зашевелились, а я нахмурилась. Мужчины такие мужчины. Помани их возможностью убить какое-нибудь беззащитное животное, и все они моментально превращаются в дикарей! Смотреть на забой невинной твари мне не хотелось, но как исследователь я, пожалуй, обязана присутствовать.

Пока я размышляла, женщины разложили варево по гли-

няным мискам, накрытым широкими листьями. Та самая, с косичками, встала на колени, протянув еду Сверру. Тот кивнул и забрал тарелку. Процедура повторилась с каждым мужчиной, что сидел возле очага.

– На лицо гендерный приоритет мужчин, – хмыкнул Клин. – Если мне будут так кланяться на завтрак, обед и ужин, можно и привыкнуть.

И закашлялся, когда его стукнул по спине Жан.

Я же устала в свою тарелку. Кажется, рыба. Разобрать, что именно лежит на широком листе, оказалось довольно сложно. Черное, закопченное, неопределимое. В рюкзаках у нас имелись сухие запасы и консервы, достаточные для пропитания, но мы прибыли сюда, чтобы узнать быт ильхов, не так ли? Вдохнув, я отломала кусочек того, что находилось в тарелке, и сунула в рот.

Мои замечательные коллеги – смелые и храбрые мужчины – в ожидании смотрели на меня, чтобы узнать, выживу ли я после местной пищи. Так и тянуло свалиться на шкурку и забиться в судорогах. Просто чтобы увидеть их вытянувшиеся лица! Но я вовремя вспомнила, что уже не студентка, а ученый, и, прожевав, улыбнулась.

– Похоже на треску.

– У нас эта рыба зовется так же, – подтвердил Сверр.

– Вкусно, – удивленно протянул Жан. Остальные покивали. Даже наши молчаливые военные, что в основном хмурились и зыркали по сторонам, кажется, слегка расслабились.

Хотя и заметила, что каждый из них перед едой выпил капсулу ядонейтрализатора.

Ученые, конечно, тоже их проглотили, еще утром. Но военные пили удвоенные дозы – на всякий случай.

За едой коллеги снова попытались расспросить Сверра, но тот наградил их хмурым взглядом и указал в тарелку. Я осторожно записала: «За едой ильхи не разговаривают, едят быстро».

И улыбнулась довольно. В целом увиденное за Туманом вполне отвечало тому уровню развития, что мы ожидали. Судя по всему, ильхи законсервировались примерно на этапе развития легендарных диких берсерков, даже откатились назад. К моменту извержения вулкана на этих землях местные жители проживали племенами, занимались охотой и рыболовством, умели делать из глины утварь и обжигать ножи. То же мы видели и сейчас. Да, они освоили колесо, иглы и прочие предметы, но куда им до наших парализаторов и технологий, позволяющих летать по воздуху! Отставание в развитии от Конфедерации – просто грандиозное. Варвары, как есть варвары... а все фьорды – живой музей сохранившихся в неизменном виде экспонатов.

Я положила в рот листик и задумчиво пожевала. Максимилиан вон даже есть не может, вертит седой головой, порываясь дальше исследовать быт и нравы коренного населения фьордов. И глаза его горят таким молодецким задором, что я диву даюсь. Не помню профессора таким.

Впрочем, что таить, мне и самой не терпелось продолжить знакомство с местными обычаями. Жаль только, что понятно изъясняться может лишь Сверр, и, кажется, он уже устал от наших многочисленных вопросов.

– До вечера вы можете заниматься, чем захотите, – сообщил Сверр, отставляя пустую тарелку. – Но советую не удаляться далеко от поселения. В лесу много диких зверей.

– А вы? – вскинулся Юргас.

– Мне нужно помочь остальным и подготовиться к завтрашней охоте. Хотите с нами?

Мужчины, конечно, возжелали. Даже наши вечно хмурые агенты безопасности – Люк и Риз. Я понимающе хмыкнула и решила прогуляться. Однако Макс качнул головой.

– Оливия, лучше оставайтесь поблизости, – почти беззвучно сказал он, склонившись ко мне. Я с тревогой заглянула в выцветшие глаза профессора.

– Почему?

– Не могу объяснить, девочка. Просто поверь моему... чутью. Мне не нравится, как на тебя смотрят.

Я, нахмурившись, обвела взглядом ильхов. Никто на меня не смотрел. Только Сверр. Но и он лишь мазнул взглядом и повернул голову к Жану.

– Будьте рядом со мной, Лив, – вновь перешел на привычное обращение профессор. – Так старику будет спокойнее.

Теперь я посмотрела на него с изумлением. Старику?! Никогда не слышала подобного от господина Шаха!

Однако рассыпаться в ненужных уверениях не стала и молча кивнула.

– Вы им не верите? – также почти беззвучно произнесла я.

Мирная картина пикника расслабила даже Юргаса. Тот почти улыбнулся, глядя на мальчишек, которые играли у шатров. Женщины деловито убирали после завтрака, мужчины отправились по своим делам. Лес казался величественным, но мирным. Что обеспокоило профессора?

– Им – верю. Я не верю ему. – Это я не услышала, а практически прочитала по губам Максимилиана.

И повернув голову, посмотрела на того, о ком говорил профессор. На этот раз Сверр смотрел в упор. И мне снова показалось, что в золотых глазах сузился зрачок.

Глава 5

Несмотря на все призывы и шипение Юргаса, увлеченные исследованием ученые тараканами расползлись в разные стороны.

После еды мы все поблагодарили Сверра и женщин, которые снова попадали на колени, а потом разбрелись кто куда. Клин принялся вздыхать и охать возле какого-то кустарника, вымершего в Конфедерации, Жан пытал молодого ильха, силясь разобраться в чередѣ звуков, которые тот выдавал. Военные обнюхивали поселение, разыскивая огнемѣты, бомбы, плазменное оружие и прочее, чего здесь, конечно же, не было и быть не могло. Мы же с Максом отправились к окраине. Вернее, отправился профессор, поманив меня за собой.

За шатрами царилѣ тишина, голоса ильхов сюда не долетали. Где-то пѣла пичуга, шелестѣли широкие листья деревьевѣ.

– А у нас скоро осень, – задумчиво пробормотала я. Макс остановился у черного столба и закинул голову, рассматривая его. Я тоже посмотрѣла и привычно сделала в голове запись: высота около трех метров, гладкий, черный, с неравномерными зазубринами по всей поверхности.

– Интересно, что это? – обошла столб по кругу. – Думаетѣ, они имеют какое-то значение?

И смутилась, поймав взгляд профессора. Двойка, госпожа Орвей. Идите, готовьтѣсь к пересдаче.

Конечно, эти столбы имеют значение! В укладе, подобном здешнему, все предметы имеют функциональное или религиозное значение. У племен слишком много времени уходит на то, чтобы получить нож или тарелку, поэтому они не делают что-то «просто так». А эти черные палки точно не природного происхождения, значит, их для чего-то поставили.

Стремясь загладить оплошность, я провела пальцем по углублению.

– Дерево, рисунок нанесен предположительно ножом. Только вот дерево странное. Словно обожженное? – я потеряла пальцы. – Может, неизвестный нам вид? Интересно, для чего они?

– Я предположил бы, что они часть местного культа, – негромко ответил профессор, – но тогда удивляет их расположение. Если они важны для племени и являются объектами поклонения, то должны стоять в центре, ближе к огню, который, как известно, жизнь и тепло. А они здесь. На окраине, можно сказать.

– Значит, это не столбы культа, а что-то иное? – Я всегда любила слушать рассуждения Максимилиана. – И кстати... Почему вы решили, что ильху не стоит доверять?

Профессор снял очки, протер.

– Это иррациональное чувство, Оливия. А я ученый и должен оперировать фактами. Факт в том, что господин Сверр весьма любезно нас пригласил, показывает свой быт, отвечает на вопросы. И мы видим здесь ту картину, что и ожидали

увидеть.

– Разве это плохо? Наши предположения, сделанные на основе показаний зондов, оказались верными.

– Это не плохо, – Максимилиан нахмурился. – Но... Я ведь говорю – иррациональное чувство, Лив. Можно списать на интуицию, которой, как доказал Густав Риндор, не существует, а есть лишь совокупность сигналов, которые наш разум получил, но не сумел обработать. Они-то и дают нам ощущения... предчувствия.

Я кивнула. Как и всякий уважающий себя ученый, я, конечно, изучала труд господина Риндора.

– Так вот, Оливия... Мои необработанные сигналы твердят, что здесь что-то нечисто.

Я тревожно обернулась. От слов профессора стало не по себе. Но моим глазам вновь открылась мирная и даже скучная картина. Шатры, деревья, женщина с верещащим мальчишкой, Клин, склонившийся у кустов. На миг показался и Юргас, кивнул нам, убедившись, что все в порядке, и снова ушел инспектировать поселение.

– Но почему вы так думаете? – я даже слегка растерялась.

Профессор пожал плечами, на миг напомнив того же Сверра.

– Возможно, я просто выживший из ума старик, – как-то устало произнес профессор то, что я никогда в жизни не ожидала от него услышать. И первый раз я взглянула на него по-другому. Сколько Максимилиану лет? Не меньше семи-

десяти... Он был вот таким – седовласым и умудренным – уже тогда, когда я лишь пришла поступать в Академию. И за прошедшие годы ничуть не изменился. Или мне это лишь кажется?

– Давайте вернемся к столбам, Оливия, – бодро оборвал мои размышления их виновник. – Я слушаю ваши предположения.

Следующие два часа мы с профессором посвятили скрупулезному изучению и записи информации о поселении. Я даже достала свой диктофон и начала наговаривать заметки, опасаясь упустить что-то важное. К вопросам интуиции мы больше не возвращались.

* * *

Я с интересом повертел круглую банку, фыркнул, бросил обратно в мешок. Шаги снаружи шатра и запах доложили о госте, так что когда вошел Ирвин, я лишь кивнул.

– Мародерствуешь, мой риар? – поинтересовался а-тэм, снимая с головы череп быка. – Тяжелый!

– Не ной, – буркнул я, снова перебирая содержимое мешка. – И я не мародерствую, а изучаю противника. Кстати, это твоя обязанность, насколько я помню.

– Ну кто-то же должен отвлекать внимание? – Ирвин опустился рядом на корточки. – Что это?

Я достал металлический стержень, повертел в ладони.

– Похоже, тот самый парализатор. Дай руку.

– Парализатор, который сваливает даже лошадь? Он? – с подозрением спросил Ирвин.

– Точно. Руку давай.

– Сверр!

– Ирвин! – передразнил я. – На себе я уже проверял. К тому же, ты ведь не лошадь.

– Ты просто гад, – проворчал а-тэм, закатывая глаза. Но покорно протянул мне левую длань. Я повертел стержень, приложил к коже а-тэма и нажал на кнопку. Ирвин подпрыгнул как ошпаренный, зрачки сузились. – Проклятие! Жжет-ся!

– Больно?

– Терпимо, – недовольно буркнул Ирвин.

Я хмыкнул удовлетворенно и нехотя положил парализатор обратно. Занятная штука. Хочется оставить себе.

А-тэм нахмурился, наблюдая за мной.

– Сверр, мне все это не нравится.

– Тебе не нравятся все мои начинания и решения. У тебя обязанность такая – рассказывать мне, в чем я не прав.

– Сейчас ты не прав особенно. – У меня упрямый а-тэм. – Племени не нравятся чужаки. И ты сам это знаешь. Сколько еще ты собираешься развлекаться? Чего добиваешься? Я не понимаю тебя.

– Поймешь, Ирвин. Всему свое время. Племя потерпит. Нам нужны знания, мой а-тэм. Не те отрывочные данные,

что мы имеем, а гораздо больше.

– Но зачем?! – не выдержав, Ирвин вскочил и зашагал по шатру, сердито насупившись. – Мы много лет прекрасно обходились без чужаков и мира за Туманом! Почему сейчас?

– Потому что Туман начал редеть! – рывкнул я. А-тэм осекся и с ужасом уставился на меня.

– Что?

– Что слышал, – я в сердцах отбросил мешок. – Пока это скрывается, но Сотня обеспокоена.

– Милостивый Горлохум, – прошептал потрясенный Ирвин. – И что теперь будет?

Я отвернулся, пряча свои эмоции.

– Мы это исправим. Идем. Я слышу шаги.

– Сверр... – а-тэм задержался у выхода, проницательно заглянул в глаза. – Эта чужачка, женщина...

– Оливия Орвей, – я растянул гласные и облизнулся. – Ей я приготовил нечто особенное.

– Ты играешь с огнем, Сверр.

– Как обычно, – оборвал я.

Ирвин недовольно приподнял брови, а я улыбнулся.

– Кстати, пора развлечься, мне становится скучно!

А-тэм выразительно скривился.

* * *

– Что происходит? – Мы с Максом оторвались от исследо-

вания столбов и удивленно посмотрели на суету в центре поселения. Женщины усаживали маленьких детей в кожаные мешки и взваливали на плечи, мужчины надевали на головы уже знакомые нам черепа животных.

– Куда они собрались? – Я пожала плечами, так как ответа, конечно, не знала.

У шатров нам махал руками Юргас, подзывая к себе.

– Что ж, идемте, Оливия, – улыбнулся профессор, – все равно со столбами пока лишь загадки. Надо узнать больше о местных нравах, и, похоже, нам сейчас предстоит такая возможность.

Я сунула в карман комбинезона пакетики с образцами черного дерева и тоже улыбнулась.

– Идемте.

Наши коллеги уже собрались возле огня, который сейчас лишь тихо тлел. Жан вертел головой, его очки посылали блики солнечных зайчиков, за которыми гонялся пузатый и чумазый малыш. Когда из-за деревьев появился Сверр, мы устремились к нему.

– Что происходит? Куда все идут? Что случилось?

– Все идут к чаше, – непонятно пояснил он. – Вечером будет радостное событие, шатия, значит, сейчас все должны окунуться в чашу.

– Какой-то ритуал, – прошептал мне на ухо Клинт. – Надеюсь, это не та чаша, в которой варят залетных ученых?

Я прыснула и прикрыла рот ладонью. У ильхов были тор-

жественные и серьезные лица, так что мы тоже изобразили соответствующее настроение и двинулись за процессией аборигенов. Мужчины в своих костяных масках и набедренных повязках шагали впереди и по бокам, охраняя женщин, детей, ну и нас заодно. Тропинка вилась между двух изумрудных холмов, и я вновь залюбовалась окружающей нас природой. Как же красивы фьорды! Сами ильхи шли совершенно бесшумно, ступая мягко и легко, а мы старались им подражать. Хотя и ловили на себе недовольные взгляды, когда трещала под ботинком сухая ветка или вспархивала потревоженная пичуга.

Сверр ушел вперед, так что расспросить о предстоящем ритуале, если это был он, не удалось. Рядом со мной двигался высокий и крепкий ильх, сквозь прорези в черепае я порой замечала внимательные голубые глаза. И я удивилась, заметив на его шее черный обруч. Значит, их уже двое. Может, этот голубоглазый и мою речь поймет?

– Куда мы идем? – улыбнувшись, спросила я.

Ильх отвернулся, и я вздохнула. Ну ладно. Жаль, но похоже, беседа не состоится.

Минут через двадцать мы вышли к подножию скалы, у которой темнели несколько круглых естественно образованных каменных выемок. Внутри скальных чаш виднелась красная глина.

Ильхи остановились и начали раздеваться, обнажая мускулистые тела. Часть женщин расположились полукругом в

тени раскидистого дерева, словно зрительницы в театре, вторая половина хихикала и суежилась вокруг мужчин, держа в руках кувшины с узкими горлышками.

– Что они делают? – прищурился Жан, глядя, как аборигенка наливает из кувшинчика что-то золотисто-тягучее и намазывает ближайшего мужчину. Тот жмурился, словно кот, и подставлял под женскую ладонь то плечи, то спину, то бедра. В воздухе разлилась густой и пряный аромат.

– Это сок дерева, который растет в долине, – появившийся за спинами Сверр заставил нас всех подпрыгнуть и обернуться. В руках ильха был такой же сосуд, который мы принялись с любопытством рассматривать.

– Этот сок похож на масло, – я растерла золотую капельку между пальцев, понюхала. – Но более густой. Запах незнакомый...

И вкусный. Так и хотелось облизать пальцы.

– Зачем они намазываются этим соком?

Сверр улыбнулся, не размыкая губ, и пожал плечами.

– Чтобы было труднее. Все, кто желает участвовать в шатии, должны доказать свое право на нее.

– Что такое шатия?

– Узнаете вечером. Да... – Сверр нахмурился, принимая решение. – Если кто-то из вас желает присоединиться, вы можете это сделать. Любой гость имеет право на чашу и на шатию.

Коллеги переглянулись. Конечно, никто из нас ничего не

понял. Вот просто ни слова!

– Пожалуй, в следующий раз...

Сверр кивнул и отошел к ильхам.

– А он, похоже, не собирается участвовать в этом их натирании маслом, – хмыкнул Юргас.

Я опустилась на траву, с наслаждением вдыхая густые ароматы земли, воды, цветов и золотистого сока неизвестного мне дерева. Он все еще был на моих пальцах и, кажется, впитался в кровь, потому чтопряно и сладко теперь пахла я вся. От солнца слегка кружилась голова и дрожали колени, а может это все из-за вида десятка почти обнаженных мужских тел, влажно блестящих капельками масла на бронзовой коже. Коллеги расположились неподалеку, обмахиваясь широкими листьями деревьев. А ведь наши комбинезоны сшиты из специального материала, который сохраняет собственную температуру тела. В них нам просто не может быть жарко! Но я видела покрасневшиеся лица и капли испарины на лбах. Да и сама ощущала настойчивое желание стянуть с себя черную ткань со светоотражающей полосой и последовать примеру аборигенов, облачившись в какой-нибудь кусочек свободно развевающейся ткани.

– Вот это жара! – не сдержался Клинт. – А у нас скоро снег выпадет...

– Курорт, – хмыкнул Жан. – Радуйся, когда еще посчастливится погреться на солнышке!

Я тихонько потянула собачку молнии, расстегивая комби-

незон. Ветерок остудил шею и ложбинку груди, так что дышать стало легче. Вытащила свой диктофон и приготовилась делать записи.

— Мать вашу... — изумился Юргас. — Похоже... они собираются драться!

Я открыла рот, наблюдая за ильхами. Те уже залезли всей толпой в широкую скальную чашу, прямо в эту красную глину, выстроились двумя шеренгами и застыли, уставившись на круглое отверстие в скале.

Мы тоже замерли, подавшись вперед.

Струя воды вырвалась из скалы и ударила в чашу, послужив своеобразным ударом гонга. Ильхи взревели и бросились друг на друга, норовя столкнуть противника в месиво под ногами, которое от воды мигом превратилось в красную кашу. Варвары рычали, толкались, скалились, их обмазанные соком тела уворачивались и блестели на солнце, пальцы скользили. Женщины смеялись и что-то кричали, подбадривая мужчин. Один из варваров, на вид не старше семнадцати лет, упал и перевалился через бортик чаши. С дикими воплями женщины закидали его комьями красной глины, и парень понуро отошел в сторону.

Остальные продолжили битву, хотя назвать происходящее сражением язык не поворачивался. Ударить по-настоящему мешала теснота и скользкие тела, так что ильхи старались свалить друг друга или вытолкнуть из чаши под «обстрел» женщин.

Надо признать, зрелище захватило настолько, что я очнулась лишь когда подползла почти к самой чаше с мужчинами и обнаружила в своей ладони красный глиняный комок. Мой комбинезон был расстегнут еще глубже, тело горело в огне, щеки пылали. И когда очередной ильх вывалился на землю, мне захотелось тоже заорать и швырнуть в него свое металлическое оружие!

Устыдившись, я тихонько отползла назад, тяжело дыша.

И ощутила на себе внимательный взгляд.

Часть ильхов не участвовала в забаве, среди них был и Сверр. Он сидел, привалившись спиной к шершавому стволу дерева, и в золотых глазах блестела насмешка.

Выпустив из рук комок глины, я смущенно обтерла ладони о траву. И застегнула молнию комбинезона до самого верха. Обернулась на своих коллег. Их тоже захватило представление. Клин что-то кричал, Жан потрясал кулаками, а наши стражи военные, похоже, жаждали броситься в бой! Один профессор смотрел спокойно и даже недовольно.

Но сейчас мне совсем не хотелось вникать в опасения Максимилиана. Я сидела у подножия скалы, на шелковистой изумрудной траве, под лазурным небом и смотрела на великолепных мужчин, обмазанных маслом и борющихся в грязи. Когда еще мне доведется насладиться подобным зрелищем? Что-то подсказывало, что никогда. Поэтому я решила ненадолго отключить в себе ученого и побыть женщиной. Смотреть ведь не возбраняется?

Один из ильхов издал боевой клич, и я снова уставилась на чашу. Мужчин там осталось вполовину меньше, среди них я заметила светловолосого ильха с голубыми глазами. Кажется, это мой молчаливый сопровождающий. Он явно лидировал, легко укладывая к своим ногам соперников. С ног до головы перемазанный красной глиной, блестящий от масла и пота, блондин казался воплощением первобытной дикости.

Я сглотнула тяжелый ком в горле и усилием воли отвела взгляд. Да уж, такое зрелище может свести с ума слабую цивилизованную женщину вроде меня! Усмехнулась, смеясь над своей реакцией, и решила, что пора вернуть на место ученого. Но стоило достать свой диктофон, как еще один ильх вылетел из чаши, а женщины вскочили и затопали ногами. Мужчины прекратили бой и подняли ладони, улыбаясь. Их осталось шестеро – самых сильных. Ну или самых устойчивых.

Я поднялась, засовывая свою пишущую машинку обратно в карман. Сделаю записи позже, кажется, бой закончен.

И хмыкнула, поняв, что меня это расстроило.

Глава 6

После эпичной борьбы в чашах все племя и мы с ними направились дальше вокруг холма, пока не вышли к вулканическому бассейну, заполненному водой. И здесь аборигены начали стаскивать с себя свои скудные одеяния и прыгать в воду. Все, кроме «победителей». Те расхаживали с гордым видом, а красную подсыхающую глину на телах, похоже, считали чем-то вроде награды.

Члены экспедиции мялись на суше, с вожделием поглядывая на брызги воды. Сверр окинул нас насмешливым взглядом.

– Здесь нет хищников. Можно заходить. Не бойтесь.

Мужчины переглянулись, явно не зная, как поступить. Честно говоря, ужасно хотелось залезть в воду, смыть с себя и грязь, и пот. Гигиенические салфетки – это, конечно, хорошо, но ничто не заменяет настоящего купания.

– Можно по очереди, – пробормотал Клин. – В конце концов, мы здесь, чтобы понять жизнь аборигенов, правда?

Остальные кивнули. Юргас присел на краю каменного бассейна, взял пробу воды, добавил реактивы. Удовлетворенно хмыкнул.

– Чистая и пресная. Ладно, омовение разрешаю. Сначала вы, Максимилиан, с вами Жан. Потом мы с Клином, потом мои ребята.

Сверр наклонил голову и отвернулся, но я успела увидеть насмешку в золотых глазах и внезапно разозлилась. Что так забавляет нашего гостеприимного хозяина?

– Мы кажемся вам смешными? – пробормотала я, не успев прикусить свой язык.

– Вы кажетесь мне... – он щелкнул пальцами, подбирая слово. – Любопытными.

– Так и есть, – подтвердила я. – Мы разные.

– О да. – Золотые глаза блеснули на солнце, словно две монеты.

– Давно хотела спросить, Сверр... Цвет твоих радужек очень необычный. И я не видела в племени других таких глаз. В основном здесь либо голубые, либо зеленые. К тому же у тебя темные волосы, а у остальных – светлые. Твои родичи похожи на тебя? У них тоже золотые глаза и темная масть? Там, откуда ты пришел, все такие?

Ильх склонил голову, внимательно глядя на меня.

– Не все. Но многие, – как-то резко бросил он и сделал широкий жест, указывая на моих коллег, которые уже стаскивали комбинезоны. – А ты, Оливия? Не хочешь освежиться? Сегодня жаркий день.

Его взгляд мазнул по моему лицу, на котором наверняка выступила испарина. Я, закусив губу, посмотрела на манящую прохладу, отчаянно завидуя аборигенкам, которые плескались в воде. Но, увы. Женщины племени отошли за скалистый выступ, где их не было видно, но чтобы дойти до

него, мне придется прошагать несколько метров под всеобщими взглядами.

Макс покосился в мою сторону и коротко мотнул головой. Сверр задумчиво посмотрел на спину отвернувшегося старика.

– Мне не жарко, – чуть сипло протянула я.

Ильх прищурился.

– Да? Ты тяжело дышишь. В воде тебе станет легче.

Да уж не сомневаюсь! Мне до одури хотелось стянуть с себя этот костюм, в котором я ощущала себя, как в скафандре!

– Я себя прекрасно чувствую! – буркнула я, сдерживая желание потянуть вниз собачку молнии.

Сверр наклонился ко мне и... понюхал! Просто опустил голову и втянул воздух возле моего виска! Отшатнувшись, я сделала шаг назад.

– Тебе нужно искупаться, Оливия Орвей, – промурлыкал ильх, снова выпрямляясь и заглядывая в мои злые глаза. А потом отвернулся и зашагал к остальным мужчинам, разве что не насвистывая себе под нос! Я ошарашенно уставилась ему вслед, а потом, воровато оглянувшись, понюхала себя. Вроде ничем неприятным не пахну... Нахмурилась, озираясь. Тоже мне, чистюля! Тебе надо искупаться? Да чтоб его разорвало!

– А ничего, что вы тут даже о мыле не знаете? – сердито проворчала я, вновь нюхая себя. – Да ничем я не воняю!

Мои коллеги уже освежились и фыркали на берегу, сно-

ва влезая в костюмы, которые заодно поглощали и лишнюю влагу. К слову, профессор оголяться не стал, лишь умылся и ополоснул руки. А вот Клин, Жан и даже наш Юргас вдоволь поплавали в бассейне, не стесняясь ни аборигенов, ни меня.

Впрочем, про меня тут, кажется, забыли.

Так что я решила тоже не мозолить глаза и отойти в сторону. Наблюдать явление коллег из воды мне не хотелось.

Повернулась спиной и пошла вдоль кустов с мелкими листочками, на ходу доставая свой диктофон.

– Запись пятая, Оливия Орвей, антрополог, – начала я. – Только что мы стали свидетелями странного действия. Предположительно оно носит развлекательный, а возможно и ритуальный характер...

Я красочно описала драку в глине, упустив свою реакцию на это представление. Запнулась. Вот свои эмоции неплохо бы обдумать, но я сделаю это позже. Завершила рассказ и огляделась. Я успела обогнуть скалу, и голоса ильхов здесь звучали тише. Вулканический бассейн с этой стороны наверняка был глубже, потому что вода здесь плескалась темно-синяя, на середине почти чернильная. Почва вокруг была усеяна мелкими травинками и низкими кустарниками, рядом виднелись несколько расщелин. Подножие вулкана, ну надо же! Я задрала голову, осматривая величественную вершину, тающую в облаках. Кто бы мог подумать, что я попаду сюда!

Кинув взгляд через плечо и никого не увидев, присела и

опустила ладони в воду. Холодная! А я-то думала, что как парное молоко... но нет, не зря Юргас фыркал, как морж! Водичка оказалась довольно прохладной, и все равно хотелось влезть в бассейн целиком. Я сделала несколько шагов по мелководью, присела, расстегнула молнию и провела мокрой ладонью по коже в вырезе. Водная гладь пошла рябью, словно живая.

Я нахмурилась, всматриваясь в свое растрепанное отражение. На миг показалось, что в воде кто-то есть...

Но что за глупость? Снова опустила ладонь и... отлетела в сторону от сильного рывка.

– ... что? – выдохнула я, глядя на Сверра. Тот зыркнул на меня и обернулся к воде, крикнул что-то. Из-за кустов вынырнул голубоглазый ильх, с ног до головы перемазанный подсохшей глиной, тот, что молча шел рядом со мной к бассейну. Он торопливо встал на колени, погрузил ладони в воду и произнес слова. Четко и требовательно. И снова пробежала живая рябь. Задохнувшись, я смотрела во все глаза, словно эта глубинная синева манила, звала меня! И казалось, что еще минута, и я увижу...

Что?

Голубоглазый выдохнул, поднялся. Сердито посмотрел на меня, ткнул пальцем.

– Что это было? Там что-то было в воде, ведь так? – Я уставилась на мужчин. Те переглянулись, блондин буркнул что-то, похоже, ругательное. Сверр усмехнулся.

– Я ведь велел не ходить далеко, Лив. Здесь водятся... змеи.

– Но ты сказал, что в воде безопасно!

– Там, – ильх указал влево, туда, где купались ильхи. – Там безопасно.

Я насупилась, размышляя. Разница всего несколько метров, но здесь уже что-то угрожает? Как так? И тут осознала, куда смотрят оба ильха – в вырез на моем комбинезоне. Голубоглазый даже перестал яростно сверкать глазами и почти улыбнулся!

Дернув застежку, я сделала шаг назад, пытаюсь сохранить невозмутимый вид. Надеюсь, мне не придется звать на помощь... вон каким хищным стало лицо Сверра! Но ильхи хмыкнули и, развернувшись, пошли на звук голосов.

Я же выдохнула, еще раз проверила свой комбинезон и поплелась следом, ругая себя на чем свет стоит.

К счастью, моего отсутствия никто не заметил, на вопрос Максимилиана я ответила, что была за скалой. Не хотелось ничего объяснять, да и самой не мешало бы все обдумать.

Например, кто был в той темной глубине?

Я задумчиво потерла переносицу. Сколько еще загадок та-я-т фьорды? И как же хочется их разгадать! Надеюсь, мне это удастся хотя бы отчасти!

Правда, не уверена, что о моем маленьком приключении у воды стоит рассказывать... я и так слабое звено в этой экспедиции, не хочется выглядеть перед комиссией еще глупее.

Так что пока лучше промолчу.

Приняв решение, я повеселела, жалея лишь о том, что не успела как следует освежиться.

* * *

Ночь опустилась на фьорды снова резко, словно птица крылом накрыла. Мы вернулись к шатрам, аборигены разошлись, оставив нас. И пока экспедиция размышляла, что делать дальше, ильхи подозрительно оживились. Ничего не понимали, мы смотрели, как женщины уносят котлы и тарелки, складывают поленья и торопливо расчищают площадку в центре поселения.

– Что происходит?

– Скорее всего, обряд или пляски, – просветила я Жана. – Обычная практика в племенах, им ведь тоже надо развлекаться. Интересно, кормить нас будут?

Лингвист пожал плечами. Похоже, этот жест все же заразный. Я закинула голову, глядя на звезды, горящие в глубине неба. Звездная темнота казалась бесконечной. Пока еще синяя, а скоро почернеет до цвета бездны. Давно я не видела такого неба. Или... никогда?

Сдавленный тихий крик заставил меня подпрыгнуть, а нашу группку сплотиться.

– Вы слышали? – Клин вертел головой, как большая собака. – Кто-то кричал?

– Кажется, женщина... – тихо сказала я.

Мы мялись у шатров, поглядывая в сторону разгорающегося в центре поселения огня. И все как один вспоминали отрывочные и мутные картинки с зонда. Дневное умиротворение испарилось, стало не по себе. К тому же похолодало. Стоило солнцу спрятаться, и горы окутал зябкий туман.

– Надо найти Сверра, – глухо сказал Юргас, проверяя свой парализатор. – И потребовать объяснений...

Словно услышав нас, рядом возникла высокая фигура ильха, и мы дружно подпрыгнули.

– Вот вы где. – Сказал Сверр, и я хмыкнула. Как будто нашу живописно трясущуюся группу можно было не заметить. Ильх был в уже привычной повязке на бедрах, начах и широкой меховой шкуре, прихваченной кожаным ремешком. – Идемте. Шатия скоро начнется.

Мы с Максимилианом переглянулись. Какой-то обряд? Зачем? Какая у нас там роль? Слова и вопросы мелькали в головах и отражались в глазах. Стало страшно. И странно, что за один день мы успели забыть о своих опасениях.

– Идемте, – Сверр повернулся к нам спиной и двинулся к языкам пламени, отбрасывающим на землю и шатры длинные оранжевые отсветы.

– Прекратите дрожать, – тихо, но грозно рявкнул Юргас. – У нас у всех есть парализаторы. Вы забыли? Всех этих варваров в шкурах я один уложу за пять минут.

– Хвала Конфедерации, – привычно хмыкнул Клин. Но

все же слова нашего начальника безопасности возымели действие. И правда, чего мы так испугались? Каждого ведь учили защищаться. Даже щуплый Жан стреляет на отлично.

Просто ночь и все эти шкуры, черепа, клыки... вызывают ужас.

Сверр уже расположился в круге света, и мы расселись рядом, на сплетенных из травы и веток циновках. Надо признать, сейчас, в сгущающейся темноте все казалось иным. Не таким, как днем. Уплотнялись тени, сплетаясь с языками света, и в причудливой игре мрака совсем другими виделись мощные фигуры ильхов, приближающиеся к огню. Я заворуженно уставилась на бронзовые блестящие торсы, на мощные руки, покрытые красными рисунками, на звериные шкуры и черепа, закрывающие лица.

– Как называются эти... головные уборы? – обернулась я к ильху. Он сидел слева от меня, удобно расположившись на земле. В золотых глазах плясало пламя костра, расцветивая радужки мерцающими искрами. Я даже засмотрелась.

– Халесвенг, – ответил он. Под взглядом Сверра у меня перехватило дыхание и захотелось придвинуться поближе к Максу. Или даже к Юргасу. Так что пришлось напомнить себе, что я ученый, а не пугливая девочка.

– Почему на тебе его сейчас нет?

Сверр медленно улыбнулся.

– Я не участвую в шатии, как и они, – кивнул на мужчин, сидящих вокруг костра. На них тоже не было черепов, лица

казались высеченными из камня. – Нет нужды прятать лицо.

«Прятать лицо? От кого?» – заинтересовалась я, но спросила о другом.

– А что такое шатия? – продолжила я.

– Это завершение и начало. Ты увидишь.

Между тем ильхи начали медленно двигаться вокруг огня. Лица закрыты костями животных черепов, но по красным разводам на телах я опознала победителей в чашах. Среди них был и голубоглазый блондин, его отличал черный обруч на шее. На зрителей ильхи не смотрели, лишь на огонь и широкую посудину рядом, в которой плескалась вода. Начей на мужчинах не было, босые ноги мягко, по-звериному ступали на утопанную землю, из света в тень, из тени в свет. Длинный протяжный звук родился где-то в стороне и поплыл к силуэтам ильхов, обвивая их серебряной нитью. Я скосила глаза. В густой тени сидел старик. Тоже в шкуре и в халес-венге, череп и коричневое тело вымазаны красным. И на коленях лежит инструмент, похожий на две бронзовые тарелки, одна снизу, другая сверху. Ильх трогает тарелки длинными узловатыми пальцами, и летит из отверстий в металле звук. Почти видимый. Почти осязаемый. Такой, что будит внутри древнее, забытое, тревожное. Пальцы перебирают и, кажется, касаются струн души, играют на них...

Ди-ин – шорх – дин – шорх... выше и выше взлетает дрожащий звук, тянет и тянет душу... Серебро и золото, лед и огонь, начало и конец...

– Какая изумительная музыка, – сипло сказал справа Клин. – Вот вам и варвары, господа...

Женщины ильхов подползли к нам, протянули глиняные кружки, в которых клубился пар и плескалась жидкость. Мои коллеги привычно сунули за щеки капсулы нейтратизатора.

– Это настой трав и ягод, – тихо сказал Сверр, видя, что я рассматриваю кружку в своих руках. – Чтобы согреться. Ночи становятся холодными.

Я зябко повела плечами. В темноте фьорды остывали. Дневное тепло втягивалось в расщелины между скал, слизывалось ночным туманом, поглощалось студеной озерной водой. И мой комбинезон из «умного» волокна, разработанного в лабораториях Академии, переставал греть. Иначе чем объяснить тот озноб, что охватил тело?

Сцепила пальцы на глиняном боку кружки, грея их. Музыка стала чуть быстрее, как и движения ильхов. Фигуры в шкурах и оскаленных черепах сливались, сплетались, распались... Движения смазывались, то ускоряясь, то почти замирая. И в остановках летел над фьордом протяжный стон-выдох, непонятное слово-мольба. Я не понимала его значения, но все в ильхах: позы, движения, интонация – говорило о том, что мужчины о чем-то просят.

И этот танец завораживал.

– Это молитва, – чуть слышно сказал рядом Максимилиан, и я кивнула. Да, в странном движении вокруг огня и ча-

ши с водой угадывался ритуал.

– Интересно кому? – прошептала я. – Надо попытаться узнать о тех, кому поклоняются ильхи. Это даст нам понимание многих моментов их жизни.

– Да, но мы с вами знаем, что вопросы культа слишком серьезные, чтобы спрашивать о них. Это может вызвать злость и агрессию. Нам повезло, что мы попали на какой-то ритуал и можем понаблюдать сами.

Я кивнула и поднесла к губам кружку. Горячий напиток в моих руках согрел, и дышать стало легче. Мои коллеги тоже смотрели на первобытный танец, качали головами, иногда перешептывались, обсуждали. Остальные ильхи сидели молча, лица у всех были отрешенные. Лишь на вздохе-просьбе многие поднимали головы и тоже произносили это тягучее слово. Я прикрыла глаза, вслушиваясь. Звук – как плеск воды, как звон, как мелодия. А потом сразу – как удар.

Наш лингвист хмурился и шевелил губами, пытаясь повторить этот звук. Или это слово? А может, целая фраза? Кто их знает, этих ильхов? Жан даже наклонился и принялся водить пальцем по земле, явно пытаясь что-то записать или вычленить знакомые ему буквы. Сверр медленно повернул голову, глянул на моего коллегу, и тот отдернул руку, словно обжегся. Но губами шевелить не перестал.

Старик с музыкальными тарелками ускорился, струна музыки натянулась тетивой. Я тревожно посмотрела назад, за круг света. Там лежал туман, скрывая очертания шатров.

Максимилиан рядом со мной сидел сторбившись, Юргас крутил головой, осматриваясь.

И все слаженно дернулись, когда музыка оборвалась на высокой, дрожащей ноте, а в круг света из темноты втолкнули девушку. Обнаженную.

– Мать твою, – прошипел интеллигентный до мозга костей Клин, разлив на колени горячий настой.

Я сглотнула. Этой девушки не было среди женщин, которых мы уже видели. Молодая, но с налитым, оформившимся телом, пышной грудью и широкими бедрами. С ног до головы ее покрывали темные подсохшие пятна, они начинались от волос внизу живота и тянулись вверх – к ребрам, груди, шее. Кровь, поняла я. Все тело девушки оказалось густо измазано кровью. Хотелось бы мне знать – чьей?

Девушка протянула ладони к огню и воде, тихо сказала несколько слов. И вновь я уловила уже знакомые звуки – Ла-герхёгг... Ньердхёгг...

А потом сделала несколько шагов и остановилась напротив Сверра. Сказала что-то, просяще прижав руки к груди, но так, чтобы не закрыть ее. Ильх смотрел серьезно, но головой качнул отрицательно. И аборигенка по-женски закусил губу, словно от обиды или огорчения. Один из перемазанных глиной мягко толкнул ее обратно – в центр круга, к огню.

Она медленно обвела взглядом мужчин. Ее лицо на миг исказилось, в расширенных глазах мелькнул страх. Сделала неуверенный шаг вперед, и тут же ее снова оттолкну-

ли. Снова шаг под вновь взлетевшую музыку и снова толчок. Несильный, но не позволяющий жертве выйти из круга. Хищные движения ильхов, светлые волосы, испачканные кровью, оскалившиеся черепа, разлетающиеся шкуры... Мои нервы, натянутые до предела. Ужас предчувствия, скользящий тело. И глаза Сверра – внимательные, острые, глядящие прямо на меня. Все это время он смотрел на меня.

– Что они делают? – прохрипела я, хотя вопрос был на редкость глупым. Я уже знала, что они делают. Хищники играют с добычей прежде чем... что?

Сверр выглядел спокойным, даже расслабленным.

– Шатия, – сказал он. – Это... – он нахмурился, подбирая слово. – Соединение.

– Что?

Я снова посмотрела в круг света. Девушка уже металась испуганной ланью, пытаясь пробиться сквозь ряд бронзовых тел. Но какой там! Снова толчок, и она упала на землю, в оранжевый отсвет костра. Я прижала к губам руку, сдерживая крик. Тела в шкурах многое закрывали, но, увы, не все. Да и шкуры уже исчезли, остались лишь жуткие черепа на головах.

– Соединение, – мягко повторил Сверр, посмотрев туда, где происходило жуткое, кошмарное действо. Девушка выгнулась и закричала, когда ее накрыло первое бронзовое тело. Матово блеснул черный обруч на шее. Тот самый голубоглазый блондин...

Юргас сжал парализатор, на загорелом лице военного выступили бордовые пятна.

– Вам страшно? – в голосе Сверра прозвучало удивление.

– Это ужасно... – Жан тяжело выдохнул.

– Почему? – не понял ильх. – Это ведь радостное событие в жизни любой женщины. Шатии ждет здесь каждая девушка. Разве в мире за Туманом нет шатии?

– Нет, – выдавила я. – Такого у нас нет.

Жертва у огня билась и выгибалась. Теперь она стояла на коленях, низко опустив к земле голову. На грязные волосы наступила нога ильха, не давая девушке подняться...

Смотреть на бронзовые тела с закрытыми лицами и готовые к... соединению было невыносимо.

– Тебя это пугает, Лив? – негромкий голос Севра заставил вновь посмотреть на него. И осознать, что у меня пылают щеки. И еще кружится голова. Словно я залпом выпила бокал сладкого шампанского. Но ведь это невозможно, даже если и были в кружках какие-то особые травы, нейтрализатор должен блокировать их.

– Женщины твоего мира не проходят шатию? – ильх слишком близко. Он почти касается меня плечом, смотрит в глаза.

– Нет, – и мой голос звучит сипло. Я встряхнулась, пытаясь справиться с наваждением. – Зачем все это? Зачем... так?

– А как?

– Один на один... с тем, кого выбрала...

– Так и было, – кивнул Сверр. – В первый раз. Глирда выпила свой напиток и поделила первую боль со своим мужем несколько дней назад. Он станет ее защитником, будет добывать для нее мясо и дарить тепло. А с остальными Глирда разделит сегодня удовольствие и... дитя.

– Дитя? – господи, я так шокирована, что могу лишь повторять его слова.

– Конечно. – Золотые глаза мерцают. – Дитя. Ребенок – всегда желанный подарок для всех. Для каждого, кто плясал в кругу шатии.

Я поднесла к губам кружку, сделала глоток, начиная соображать.

– Общие дети. Никто не знает, кто отец, верно?

– Все, – мягко произнес Сверр.

Я качнула головой, глядя на травинку у своих ног. Смотреть туда, где двигались тела, где стонала девушка и где буйствовала животная чувственность, я просто не могла. Достаточно и того, что мои коллеги глазают, как замороженные. Жан даже рот открыл.

Впрочем, мне стало понятнее. Если никто не знает, кто отец ребенка, дети становятся общей ценностью. Нет никакого соперничества – твой сын сильнее, а мой умнее, просто потому, что неизвестно, где чей сын.

– В шатии участвуют... все? – вспомнила я о своих обязанностях исследователя.

– Те, кто изъявит желание и победит в бою. Те, кто силен и здоров. Те, кто добывает пищу.

– Почему ты не участвуешь? – слова сорвались с губ неожиданно. Хотя мне действительно было интересно.

Сверр улыбнулся.

– Я не захотел.

– Девушка... она может отказаться? От шатии?

– Зачем? – не понял ильх. – Ей ведь хорошо. Для женщины больше удовольствия, а для будущего дитя – защиты.

Я посмотрела в круг света. Тела сместились, и мне стало видно лицо жертвы. Да. Ей было хорошо. Такое блаженство читалось в искаженном лице, в полуприкрытых глазах, в приоткрытых губах. Наслаждение, которое невозможно изобразить.

– Значит, ее попытки убежать были... ненастоящими?

– Настоящими, конечно. Женщин пугает шатия. Пугает и притягивает одновременно. Они всегда пытаются убежать. Вначале. До зова.

Я медленно поставила кружку на землю. Жан облизывал сухие губы, Клин нервно вздрагивал, всем телом поддавшись в сторону света. Музыка оплетала нас всех, пронзала серебряными и золотыми струнами, вырывала души. Чуткие пальцы ильха, сидящего в темноте, отсветы огня, стоны...

Невыносимо.

– Я, пожалуй, пойду. Спать. Я... устала. – Кажется, у меня сдали нервы. Юргас повернул голову, и я увидела такое

выражение похоти в глазах военного, что стало дурно.

Никто не обратил внимания, когда я встала. Даже Макс, хотя он в круг света не смотрел и даже очки свои снял, без которых был близорук.

Развернувшись, я бросилась в темноту, чувствуя, как дрожит внутри эта проклятая струна. Серебро и золото, лед и огонь... томление, разливающееся внутри.

Пробежала вдоль темных шатров, стремясь добраться до своего, залезть в спальник, выпить таблетку успокоительного и уснуть. Выкинуть из головы искаженное мучительным наслаждением женское лицо, бронзовые обнаженные тела и золотые глаза...

Где-то возле шатра меня поймали. Хотела вскрикнуть, но тяжелая рука закрыла рот.

– Не надо.

Сверр убрал ладонь. В свете звезд его лицо казалось темным... Одним движением ильх прижал меня к себе.

– Ты спросила, почему я отказался от шатии... – горячий шепот обжег висок. – Я не желал ту, что вошла в круг. Я желал тебя... Я позвал тебя.

– Что?

Сознание затуманилось. Я ничего не понимала. Я только чувствовала эту струну, что уже оплела мою душу. И дрожит, дрожит, вот-вот порвется... Уничтожит иглами и острыми гранями...

И еще руки. Горячие, сильные. Те, что не дают упасть. Те,

что трогают, ищут застёжку на моем комбинезоне. Втапливают в темноту шатра. Ближе к шкурам, что служат постелью...

– Убери это... – голос у ильха злой и обжигающий. И ласкающий. словно пробуют кожу языки пламени – согревают, не жгут... Вначале. Сверр жадно огладил мое тело, очертил контур. – Убери. Я хочу твою кожу, а не это...

Не соображая, я дернула молнию, расстегивая ткань у горла. Потянула вниз. И сразу ильх прикоснулся к открывшемуся участку, тронул горячими пальцами. С его губ слетел тягучий выдох...

– Хорошо. Сними все.

Я стянула комбинезон с плеч, бестолково дернула застёжку. От нервных движений «собачку» заело.

– Я сказал – сними, – прошипел Сверр и рванул ткань, разрывая материал, который «выдерживает нагрузку в двести килограмм», как утверждает классификатор. Варвар разодрал его, словно папиросную бумагу. Еще миг, и я стою перед ним в нижнем белье – дрожащая, испуганная. Или ждущая? Музыка все еще звучит, сплетаясь с дыханием, стуком сердца, стоном? Неужели он срывается с моих губ?

– Убери остальное... – шепчет ильх. – Повернись спиной...

Я послушно поворачиваюсь и... замираю.

Черт, что я творю? Что происходит?

– Покорись, Лив... Сейчас! – ильх приказывает, его голо-

су невозможно противиться. Я не хочу ему противиться. Но и позволить ему не могу...

— Нет, — звуки падают камнями.

— Что? — он не поворачивает меня, а обходит, поднимает голову, держит пальцами подбородок. — Я хочу тебя. Не противься.

— Нет.

В моей голове слабо ворочаются какие-то мысли. Об экспедиции, об Академии Прогресса, об ученом по имени Оливия Орвей. Кто это? Я почти не помню. Я женщина. Я самка, сходящая с ума от желания...

— Нет... — прошептала так, словно от этого зависела моя жизнь.

— Ты. Отказываешь. Мне? — В голосе ильха ярость. И изумление. И огонь, что уже не ласкает, а жжет.

— Я отказываю. Я не хочу. Уходи. Или я... закричу.

Все это глупо, странно и болезненно. В их напитке точно что-то было, потому что я дышу загнанной лошадьё. А внизу живота все горит и тянет от желания. И осознание этого почти сбивает с ног. Я хочу этого ильха. Так, как никогда и никого не хотела. Так, что сейчас сдохну, если не почувствую его. Хочу ощутить все его тело, что он так откровенно продемонстрировал мне недавно. Я хочу яростных и глубоких толчков внутри себя, хочу... мучительно. Я никогда и никого так не хотела... Даже... Сергея.

Воспоминание делает желание чуть глуше, и я хватаюсь

за родной и любимый образ, как за спасательный круг. Сережа – вечно лохматый и улыбающийся. Или строгий и серьезный. Или смущенный. Испуганный. Злой. Какой угодно. Надо думать о нем, а не о бронзовом теле, что вжимается в меня. Не о руках, что поглаживают мои ягодицы хозяйским, собственническим жестом.

Ильх отстранился, сдернул с бедер свою повязку и прижался ко мне напряженным, стоящим мужским органом. Я прикусила изнутри щеку, чтобы не застонать от горячего желания. Внутри словно кипятком плеснули.

– Ты необычная, – его голос глухой и удивленный. – Сопровотяешься... Встань на колени, Оливия Орвей.

– Да пошел ты...

Я сжимаю кулаки, трясую головой, пытаюсь избавиться от дурмана, которым меня окружили. Надо закричать. Позвать Юргаса. Или дотянуться до своего парализатора, что валяется где-то рядом с разорванным комбинезоном. Вырубить ильха. Узнать, что с остальными участниками проклятой экспедиции, может, их уже доедают варвары... Зачем нам оружие, если мы так беззащитны, если мы словно кролики рядом с удавом?!

– Сопровотяешься... – Сверр сжимает ладонь на моих волосах и смотрит в глаза. В темноте шатра они светятся расплавленной лавой. – Не надо. Сделай, как я хочу.

– Нет!

Почему-то это очень важно – сопротивляться. Не делать

так, как он хочет. Я не знаю почему, просто чувствую это той самой интуицией, которой не существует, как доказал уважаемый профессор. Я знаю, что ильху ничего не стоит скрутить меня. И сделать все, что он пожелает. Я уже видела, как легко он разорвал волокно, которое прочнее стали. Но эта самая несуществующая интуиция вопит, что надо стоять. Струна внутри меня дрожит и ошетиливается иглами. Тысячью, миллионом. И все они рвут внутренности.

– Зачем ты так? – он шепчет, кружит вокруг меня. Тень, мрак, бронзовый отсвет. Не человек. Черт побери, что здесь происходит? Во что мы все вляпались? – Зачем? Разве не чувствуешь? Я зову тебя. Покорись...

– Нет...

– Покорись! – он приказывает. Яростно, зло.

Сопротивляться так трудно... я чувствую, какая влажная у меня кожа. Как она горит. Как тянет между ног... если он ко мне там прикоснется... проклятие! Если он только прикоснется... Только бы прикоснулся...

Ильх тоже тяжело и болезненно дышит. Его тело напряжено, все мышцы вибрируют. Я чувствую это... Еще немного, и мы оба свихнемся. Или свихнусь только я. Потому что уже не могу сопротивляться...

И в этот момент ильх шипит рассерженной коброй, а у меня внутри раскрывается пропасть, в которую я падаю. Первый раз в жизни я потеряла сознание.

Глава 7

В носу защекотало, и я чихнула. Обняла себя руками, сквозь сон недоумевая, как умудрилась замерзнуть в спальнике.

Открыла глаза.

Не было спальника. Были шкура и одеяло из серого сукна, брошенные на меня. Я скосила глаза и резко села, вспомнив. Ночь, пламя, девушка в кругу... Я. Ильх.

Огляделась. Так, лежу в шатре, одна, укрытая. Осторожно приподняла мех, ожидая худшего. Выдохнула. Спортивное удобное белье по-прежнему на мне. А вот комбинезон валяется рядом. И в горле пересохло. Значит... мне не приснилось?

Осторожно выбралась из-под шкуры, воровато осмотрела свою одежду. Язычок «собачки» сломан, а от плеча до бедра ткань разорвана. Причем даже не по шву, а прямо по сверхпрочному волокну. Хорошо хоть в рюкзаке имеется специальная липкая лента, способная соединить края ткани. Конечно, герметичность костюма уже нарушена, греть как прежде он не будет, но не голой же мне теперь ходить!

А самое противное – придется объяснить этот разрыв коллегам.... Торопливо вскочила, поплескала в лицо ледяной водой. Хотелось в душ. Встать под тугие струи и долго-долго ловить губами капли, что смывают с тела и грязь, и страх.

Но здесь душа нет. Здесь нет ничего, что должно быть в цивилизованном обществе, собственно, как и самого этого общества. Здесь есть ильхи, которые накануне устроили групповое сношение, и один, что чуть не устроил единоличное – мне.

При мысли о Сверре внизу живота мучительно свело, и я испуганно выронила ткань. Да что же это? Почему я так реагирую? Хотя что здесь удивительного... Женщине нужен мужчина, даже если она – повернутый на науке ученый.

Ругаясь себе под нос, я достала ингалятор и подышала, успокаиваясь. Странно, что ночью меня не накрыл очередной приступ. Мигом бы отбило дикарю охоту лезть ко мне... Уж я-то знаю. Натянула кое-как склеенный лентой комбинезон, решительно вжикнула молнией. Достала свой диктофон, повертела его в руках, размышляя. И какой отчет я должна оставить? Что чуть не познала «любовь» варвара? Интересно, как отреагирует на подобную запись комиссия Конфедерации?

И самое главное – как теперь реагировать мне? Чисто по-женски хочется найти этого ильха и вклеить хорошенькую затрещину. Потому что произошедшее ночью точно не было нормальным. Я слишком хорошо помню и свои ощущения, и кипятик внутри, и дикое, невыносимое желание... Я и сейчас ощущаю его отголоски. Наверняка в мое питье что-то добавили. Может, афродизиак? Ну не могу я просто так вести себя как похотливая самка! За годы моей жизни со мной

ни разу подобного не случилось.

И теперь я чувствую злость и обиду!

Но как ученый понимаю, что не имею права на такие эмоции.

Ведь я измеряю поступок Сверра моралью своего привычного и цивилизованного общества. А судя по шатии, здесь совсем другие понятия и традиции. Я не видела брезгливости или отвращения на лицах ильхов, которые ночью наблюдали представление. Меня все это ужасает, а вот их, похоже, нет.

И, возможно, Сверр, напротив, оказал мне честь, явившись за продолжением? Кто их знает... Та девушка, участница шатии, явно просила его вступить в круг танцующих. Значит, хотела этого. Ждала. И сильно расстроилась, получив отказ.

Я потрясла головой. Единый! Я совершенно не понимала, как должна поступить. Сделать вид, что ничего не было? Потребовать объяснений? Принять, как проявление гостеприимства?

Хмыкнула от последнего. Да уж, мне тут честь оказали, а я не оценила... Плохой исследователь, плохой! Где ваша готовность на все во имя науки, госпожа Орвей? Кому еще доведется испробовать дикаря, так сказать, в деле?

Я прыснула и зажала себе рот ладонью. Да уж, неуместное чувство юмора порой сильно мешает моему образу ученого. Но лучше уж смеяться, чем плакать!

Торопливо провела гребнем по волосам, стянула их в хвостик. Сквозь щели у выхода шатра уже пробивался утренний свет. Я снова покосилась на шкуры в углу. Укрыл даже, гад... Потом проверила свой парализатор, решительно пристегнула его к поясу рядом с блистером нейтрализующих капсул и других медикаментов, и решительно откинула кожаный полог шатра. Моргнула.

Тихое, безмятежное, мирное утро. Никаких следов ночного пиршества плоти. Не видно ни ильхов, ни членов нашей экспедиции. Неужели все еще спят? Странно. Судя по положению солнца, время уже к полудню.

Озираясь, я прошла мимо ближайших шатров, непроизвольно ступая как можно тише. Поселение словно вымерло. На миг стало не по себе, и я положила руку на парализатор.

– Ты проспала, – насмешливый голос за спиной заставил подпрыгнуть и обернуться.

И изумиться, потому что у раскидистого дерева стоял не Сверр, а светловолосый и голубоглазый ильх, который ночью танцевал в кругу шатии. И помимо уже привычных шкур на нем был тяжелый кусок темной ткани, перекинутый через правое плечо и застегивающийся под левой рукой. Звериный череп он держал в руках. На шее отливало матовой темнотой кольцо, как у Сверра.

– Ты понимаешь мой язык? – додумалась я. – Почему раньше молчал?

– А почему я должен с тобой говорить? – нахально заявил

блондин, и я вдруг вспомнила, что он был первым с той девушкой, в кругу шатии.

– И кто ты? – не слишком вежливо спросила я.

– Ирвин, – голубые глаза ильха блеснули.

– И что я проспала?

– Охоту. Все ушли. Но тебя бы не взяли.

– Это почему?

Ильх очень знакомо и очень раздражающе пожал плечами. Но я и сама поняла.

– Женщины не ходят на охоту, так?

– И не носят такое... – ильх бесцеремонно обошел меня по кругу, рассматривая. Я, нахмурившись, обернулась, потому что этот варвар весьма нагло рассматривал мой зад под черной тканью комбинезона. Ирвин пощелкал языком, высказывая неодобрение, и я изумилась. Вот этот дикарь в шкурах и с черепом в руках кривится, глядя на меня? С ума сойти! Впрочем, почему я так рассердилась? Конечно, здесь женщины не носят комбинезоны.

– Ушли все члены экспедиции? – глухо спросила я. – Ну, то есть... все люди из-за Великого Тумана?

– Где-то один остался, – Ирвин ткнул пальцем в сторону костра. – Тебя охранять.

И снова презрительно скривился, ясно показывая, что думает и обо мне, и моем охраннике, и обо всей экспедиции в целом.

Из-за шатров показался мрачный Люк, и я удивилась, уве-

ренная, что остаться мог только Максимилиан. Неужели и профессор решил поучаствовать в убийстве зверей? Странно.

Ильх вдруг наклонился ко мне и произнес зло:

– Убирайтесь к себе. Убирайтесь! Нечего вам здесь делать. Поняла? Пожалеешь.

Я непроизвольно вздрогнула, но ильх уже отодвинулся, развернулся и скрылся за шатрами.

– Спасибо, что решили присмотреть за мной, – улыбнулась я подошедшему парню. Этот военный был ужасно молчалив, не помню, чтобы я слышала его голос. Вот и сейчас он лишь недовольно кивнул и махнул рукой, как бы говоря: «Я буду поблизости».

Еще раз поблагодарив, я отправилась бродить. Попыталась даже предложить свою помощь женщинам, которые готовили обед, но те лишь зыркнули на меня из-под бровей. Вчерашней участницы шатии видно не было, хотя это и не удивительно. После подобного... вряд ли девушка будет бодро суетиться по хозяйству. Меня передернуло. Воспоминания кружились в голове мутными картинками, в которых было слишком много огня и теней.

– Нам что-то подсыпали, – буркнула я себе под нос, кривясь. Точно подсыпали. Какой-то местный наркотик. Не могли ученые вмиг превратиться в животных, что взирают на самку с выражением тупого вожделения на лице. А все мои коллеги ночью смотрели именно так. Не было там никакого

исследовательского интереса. Была похоть. Звериная, темная, страшная. По сравнению с учеными Сверр выглядел образцом спокойствия и равнодушия. На его лице похоти не было. Там вообще ничего не было, если уж честно.

Вплоть до того момента, как он поймал меня у шатра. Но во тьме я плохо видела, было ли хоть что-то в глазах этого странного ильха.

Мотнула головой, выбрасывая его оттуда. Хватит. Я ученый и знала, на что иду. И то, что обычаи местного населения могут шокировать, тоже знала. Хотя не это сейчас меня терзало, мучило воспоминание о коллегах...

Во всем виноват наркотик, я уверена.

Оглянувшись, я сунула в рот капсулу нейтрализатора, запила водой из фляжки. И отправилась работать. За несколько часов я успела заснять на миникамеру и поселение, и черные столбы вокруг, и кустарники с деревьями, и даже мальчишек, которые носились возле тлеющего очага. Мне никто не мешал, и если первые кадры я делала тайком, то вскоре осмелела и начала снимать открыто и много. Я пыталась запечатлеть все, что могла, даже не задумываясь о назначении того или иного предмета. Снимать приходилось на допотопную пленочную камеру, удивительно, но стоило пересечь Туман, вся наша современная техника отключилась. Телефоны, сенсоры, супер навороченные поисковики, все средства слежения и связи. Благо работали парализаторы, наверное, потому что их система была совсем простой – спуск, нерв-

нопаралитический луч и цилиндр, содержащий механизм. Также оказался дееспособным пленочный фотоаппарат, видимо, по той же причине.

Когда кнопка затвора не нажалась в очередной раз, я то-ропливо перемотала пленку, вытащила капсулу и сунула в карман. Установила новую, хлопнула крышкой. К возвращению мужчин я успела отснять четыре пленки, и была очень довольна сделанной работой.

Вот только стоило живописной группе охотников выйти из леса и мое настроение испортилось.

А рот открылся, когда я увидела своих коллег. Нет, слава Единому, они не обрядились в набедренные повязки и черепа, но у Клина на лице багровели мазки краской, а Юргас довольно переговаривался со Сверром. Последний прошел мимо меня, мазнув безразличным взглядом.

В центре мужчин покачивался на палках убитый кабан. Черные ножи, ладони ильхов и даже бронзовые тела оказались в крови, словно они не просто прикончили зверя, но и хорошенько обняли его перед смертью. И что противно, пятна крови темнели и на одежде ученых. Жан фыркнул, встретившись со мной взглядом, Максимилиан опустил голову.

Я закусила губу, не понимая, что происходит. Явно ничего хорошего.

– Почему вы меня не разбудили перед охотой? – улыбнулась дружелюбно, не показывая недовольства.

– У кого-то слишком крепкий сон, – снова фыркнул

Жан. — Но то и понятно.

Он переглянулся с военным — Ризом, тот усмехнулся. Ильки поволокли тушу к костру, где уже верещали и радостно приветствовали добычу женщины.

Я нахмурилась.

— Брось, Лив, тебя бы все равно не взяли, — Клин развел руками. — Это развлечение только для мальчиков, ты же понимаешь. Смотри, чем меня украсили, — он рассмеялся и ткнул пальцем в свои щеки. — Я сделал последний удар, представляешь? Убил зверя. Мне... позволили.

Я не смогла сдержать отвращения.

— Клин, ты же ученый! Тебе приятно убивать?

— Я прежде всего мужчина, — он разом помрачнел и отвернулся. — Тебе не понять.

Я открыла рот, воззрившись на него. Отлично. Мне не понять. Где уж мне!

— Ладно, не злись. — Мне не хотелось ругаться, а с Клином мы всегда отлично ладили. По крайней мере, раньше мне так казалось. — Как прошла охота?

— Это потрясающе, Лив! — тут же загорелся приятель. — Что-то невероятное! Такие эмоции, такой драйв! Я в жизни подобного не испытывал! Никаких парализаторов, лишь ты и зверь, один на один! Свэрр все рассказал: как ждать в засаде, как искать следы, как загонять в западню! Единый, я думал, сердце сожру, когда увидел эту кабанью рожу! Видела, какой он? Гигант!

Гигантом убитый кабанчик не был, скорее, меньше среднего. Мне даже показалось, что он еще не достиг взрослого возраста. Но я специалист по антропоморфным видам, а не по кабанам. Могу и ошибаться.

– Здорово, – неискренне порадовалась я. И невинно добавила: – А вчера чем все закончилось?

Веселый азарт Клина как ветром сдуло, и в темных глазах возникло странное выражение... Что это? Настороженность? Страх?

– Я ушел вслед за тобой, – пожал плечами ученый. – Правда, в отличие от тебя – один.

– В смысле? – опешила я.

– Да ладно, Лив, – бросил приятель. – Все знают.

И двинулся в сторону костра, где звучал смех и голоса ильхов.

Я с открытым ртом посмотрела ему в спину. А потом набрала побольше воздуха и бросилась следом, намереваясь выяснить, что именно все знают. Но меня перехватил Максимилиан. Буквально схватил за локоть и потащил в сторону с неожиданной для старика прытью. И отпустил лишь возле шатров, где стелился туман, увлажняя шкуры.

– Оливия, идите за мной.

– Что-то случилось? – мигом переключилась я.

– Случилось, – устало пробормотал профессор. – Экспедиция наша случилась. Будь она неладна...

Мы дошли до одного из черных столбов, и старик как-то

обреченно опустил на землю. Просто сел на нее, чего я никак не ожидала.

– Макс, вам плохо? – с беспокойством склонилась я.

– Лив, надо убираться отсюда, – он поднял голову, и я увидела в очках свое отражение. Маленькая фигурка с растрепанными волосами.

– Что...

– Что-то происходит. Со всеми что-то происходит, понимаете? Я смотрел сегодня на нашу группу... Люди, ученые, я ведь работал с вами... всех знаю, каждую мелочь, каждого таракана в голове, если угодно. А тут... – Макс вдруг со злостью рубанул рукой. – Все словно незнакомцы! Вчера на этом ужасном действе, сегодня на охоте... я не узнаю их! Я не узнаю себя! Что-то не так в этих фьордах...

Все не так в этих фьордах! С этим я совершенно согласна. Тоже сев на землю, я привалилась плечом к столбу.

– Думаете, нас чем-то опаивают?

– Я проверил вчерашнее питье и еду, – на мой недоверчивый взгляд профессор усмехнулся. – У меня с собой куча реактивов, Лив. Я не первый день живу. И был стопроцентно уверен, что нас чем-то опоили, дали наркотик. Ведь не могут мои коллеги по доброй воле пойти на такое... – Макс осекся. А я не стала уточнять. Очевидно, что после моего ухода что-то случилось. Что-то, отчего старик сейчас трясется и без конца снимает свои очки, забывает, зачем снял, возвращает на переносицу и снова дергает вниз...

Проклятие! Кажется, я и не хочу знать, что произошло вчера.

– Не могли они... сами, – жалобно повторил Максимилиан. – Но ни одной положительной пробы. Понимаешь? Обычная запеченная рыба, обычный травяной настой. Ничего! А ведь все это почувствовали. Даже я. Даже... ты.

– Я?

– Ты. Знаешь, ты ведь лучшая из нас, – неожиданно сказал профессор. От человека, который за годы моей учебы и работы ни разу не похвалил меня, это было неожиданно.

– Да, лучшая. Самый высокий показатель нейропсихических связей, лучшая успеваемость, нестандартное мышление, стрессоустойчивость... И это все, несмотря на твое прошлое. Не надо так смотреть, я все знаю, я ведь давал тебе рекомендацию для работы в Академии Прогресса. А туда не берут с...

– С красным грифом, – спокойно завершила я. – Я знаю. И я очень благодарна вам за помощь...

Макс оборвал меня взмахом руки.

– Я сейчас не о твоем грифе «опасно», Лив. Я о том, что у тебя потрясающий ум. Ты великолепный ученый. И даже вчера... – он вдруг смутился и забормотал, отводя взгляд. – Я не осуждаю. Я... просто хочу сказать...

– Что вы не осуждаете? – мне ужасно осточертело ходить вокруг да около. – Что, Максимилиан?

– Ты и этот ильх...

– Я и ильх? – сжала кулаки.

– Да. И я понимаю, если... в конце концов, ты свободная женщина, а местный генофонд очень... впечатляющий...

– Вот как? – от злости хотелось затопать ногами и кого-нибудь убить. Например, одного представителя впечатляющего генофонда. Того, что с золотыми глазами. Проредить популяцию, так сказать. – Это он вам сказал? Сверр?!

– Нет, – с неохотой произнес Максимилиан. По всему было видно, что разговор дается старику нелегко. Он даже покраснел. – Напротив. Когда Жан заикнулся, этот ильх так рывкнул, что спрашивать дальше никто не решился. Уж очень у ильха вид был... дикий. Но ты ведь понимаешь, ребята и сами умеют делать выводы. Ильх ушел за тобой и не вернулся...

– Прекрасно! То есть, все видели, что он пошел следом, но никто не удосужился проверить, все ли со мной в порядке? Никому не пришло в голову, что меня могут насиловать, убивать, жрать живьем? Нет?! Вы не осуждаете, значит? Вот как?! Если вам всем так интересно, то не было у меня с этим ильхом ни-че-го! Ясно?! Я приехала сюда работать!

– Оливия! – профессор тяжело поднялся на ноги. – Послушай меня. Я тебе верю. Да и потом... Надо отложить все эти дразги. Я позвал тебя не за тем... Здесь что-то нечисто. Я это не могу объяснить, но... чувствую. И с нами здесь что-то происходит. Пробуждаются темные стороны, понимаешь? Нас всех!

Наверное, у меня был ошарашенный вид, потому что Максимилиан усмехнулся.

– Что, не ожидала таких слов от ученого? Нам надо уходить. Уходить и немедленно. У меня дурное предчувствие. Пусть это и не по-научному. Я сегодня же сообщу Юргасу, что миссия сворачивается и мы возвращаемся.

– Но как же... исследования, фьорды, ильхи? Это же прорыв, профессор! Это же проникновение, которого мы все так ждали!

– Проникновение? – Максимилиан неожиданно рассмеялся. Зло, некрасиво, брызгая слюной. – Как бы мы все не пожалели об этом проникновении.

– Я не понимаю...

– Я тоже, Оливия. К сожалению. Но одно могу сказать точно... – он потянулся рукой к очкам, но остановился и сжал кулак. – Вы решите, что я сошел с ума. Но не все можно объяснить наукой. Не все... Идемте. Я собираюсь свернуть экспедицию.

И профессор двинулся туда, где горел огонь, звенела сталь и жарилось на углях мясо. Я пошла следом, раздумывая об этом странном разговоре.

Коллеги уже расселись на циновках, кажется, даже поза со сложенными ногами их больше не беспокоила. Я устроилась поодаль, не обращая внимания на косые взгляды. Сверр находился напротив, сквозь пламя я видела его жесткое лицо, прищуренные глаза. Он смотрел на меня, мягко улыба-

ясь. Томление вспыхнуло внутри огненным торнадо, и я ахнула. Прижала ладонь к животу, не понимая, что происходит. Какого демона?! Снова посмотрела на ильха. Он уже не улыбался. Между бровей залегла резкая складка, в золотых глазах разлилась злость. Беловолосый Ирвин, который подходил ко мне утром, положил ладонь на плечо Сверра, и тот что-то резко приказал, стряхивая руку ильха. Блондин нахмурился и почему-то тоже посмотрел на меня.

Этот обмен взглядами мне совсем не понравился. Да еще туман... он наползал с темных холмов, подбирался все ближе, размывая очертания деревьев, столбов, шатров... Казалось, фьорд замирает в ожидание бури. Еще чуть-чуть, и она обрушится на нас вспышками молний и проливным, хлещущим дождем... Стемнело резко, но на этот раз я не видела звезд. И еще этой ночью стало значительно холоднее. Женщины племени бесшумно прошли рядом, раздавая шкуры, в которые все с благодарностью укутались.

Сверр поднялся, обошел огонь и сел возле меня. Я отвернулась.

– Как прошел твой день, Лив? – негромкий голос возле виска заставил меня сжать кулаки.

– Отодвинься, – негромко, но злобно сказала я. – В моем мире посторонние люди не сидят так близко.

– А разве мы посторонние? – он придвинулся еще ближе, коснулся горячим плечом. Я с шипением отодвинулась. А ильх, наклонив голову, лизнул мне щеку. При всех.

Мои пальцы сами собой легли на парализатор, руки рванули его из петелек. Где-то на периферии зрения успела заметить вскочившего Юргаса и обеспокоенного профессора.

– Отодвинься. От меня. – Глядя прямо в злые мерцающие глаза, четко сказала я. Сверр смотрел не мигая и не двигаясь. И стало страшно. Нестерпимо, ужасающе страшно. И за этот миг пришло осознание, что профессор прав, надо убираться с фьордов. В этом месте действительно что-то не так. А я просто клиническая идиотка, а не ученый, раз поверила в примитивность этого ильха. О нет. Слишком изощренный разум светился в его глазах с золотыми радужками. И он точно не был примитивным.

Над костром повисла тягучая тишина. Опасная.

А потом Сверр мотнул головой и рассмеялся.

– Мне сегодня уже показали эти серебристые трубочки, – насмешливо произнес он. – Они не похожи на оружие, но жалят... Не нужно доставать ее, Оливия Орвей. Я тебя понял.

Ильхи загомонили, женщины отмерли. Я же смотрела на Сверра. Нет, смеха в его глазах не было. Даже улыбки. Было предвкушение – темное и жаркое.

Я сглотнула и отвела взгляд, с досадой понимая, что совершила огромную ошибку. То, чего не должен делать ученый-антрополог, находясь на территории аборигенов. То, чего не сделал бы человек без пометки «опасна» в личном деле. Я поставила себя над местными и над тем, кто обладал здесь непререкаемым авторитетом. Дала отпор, хотя должна была

терпеть и улыбаться! Пусть ильхи и не поняли моих слов, но уловили смысл. И та самая несуществующая интуиция просто вопила, что мне этого не простят.

Вновь стало страшно.

Сверр легко поднялся и ушел, уже через минуту он ослабленно ел мясо и что-то рассказывал Клину и Жану, которые взирали на него, как на бога. На меня ильх больше не смотрел. Я зябко зарылась холодными пальцами в мех шкуры. Ужин у аборигенов шел своим чередом, казалось, все забыли о том маленьком спектакле, что недавно произошел. Мне, как и всем, подали тарелку с мясом и питье, даже предложили еще шкур, чтобы согреться. После еды вновь зазвучала музыка, та самая, рвущая душу, и, не выдержав, я ушла в шатер. Сделала быструю запись с обзором дня, проверила парализатор, положила его рядом с собой и залезла в спальник. Сна не было. Внутри дрожали серебряные струны, зовя меня куда-то. Настойчиво, болезненно. Так, что хотелось завывать, уткнувшись лицом в мех. Или вскочить и броситься наружу. Но я лишь кусала губы и оставалась на месте.

Глава 8

Я позвал.

Позвал снова, хотя знаю, что сделаю больно не только себе, но и племени. Но она не приходит. Никто не может сопротивляться зову риара, никто. Гнев обжигает так, что злится небо. Ярость клокочет внутри, причиняя боль. И племя смотрит испуганно, ожидая черную тень, что принесет боль и хаос...

Нельзя.

Успокаиваюсь, закрывая глаза. Никто не должен пострадать сейчас, сидя у костра и поедая убитого кабана. Мы убили его, чтобы напоить кровью чужаков, чтобы пробудить в них скрытое. То, что каждый прячет под черной тканью, то, что я вижу. Люди Конфедерации. Ученые. Прогресс. Я знаю значение этих слов и ненавижу. Значение, слова и людей, мечтающих принести нам все это. Я знаю, что им нужно, что они ищут на землях фьордов. Они хотят то, что принадлежит нам. Наши земли, наши крепости, наших женщин и нашу силу. Но они уйдут ни с чем. И потеряют больше, чем думают.

Пока они нужны мне, они живы. Но то, что обнажает зов и фьорды, останется открытым. Люди еще не знают. Глупые. Фьорды не отпустят их, где бы они ни были.

Однако я впечатлен. Ирвин тоже. Парализаторы, ткани,

инструменты. Эти люди опасны. Я знал это с самого начала, убедился сейчас. Их оружие не пугает, оно ничтожно, но мне надо понять больше. Тех знаний, что у меня есть, слишком мало. Духи фьордов с нами, но мне стоит поторопиться.

Время дрожит и растягивается тягучей смолой...

Нет, я не испытываю ярости к тем, кто изучает нас. Четверо ученых – всего лишь люди, желающие знать. Это даже вызывает уважение и понимание. Но за ними придут те, кто желает обладать, это неизбежно. Я достаточно понял о людях, чтобы не допустить этого...

Веками они стремятся попасть на фьорды. Веками Туман защищал нас. Так почему он стал редеть?

Даже Ирвин не понимает всей опасности. А-тэм умен, но не знает всего. Он никогда не проводил часов, изучая людей из-за Тумана. Считал, что фьорды защищены, и так будет вечно. Потому риар я, а не он. Я чую опасность даже сейчас, когда люди напротив улыбаются и едят мясо убитого кабана. Но я вижу то скрытое, что прячет каждый из них. Вчера мы лишь позволили им взять то, что принадлежит племени, предложили, как гостям. И они согласились. Накинулись с жадностью, которая говорит о многом.

А завтра они захотят взять то, что мы не предлагаем.

Темные инстинкты пробудились в каждом, кроме двоих. И это меня... удивило. Я испытываю странные чувства, думая об этом. Старик и девушка. Те, что смогли устоять и не податься ни зову риара, ни своей тьме. Почему?

Снова прокручиваю в голове события. Старик опасен. Хилый, седой, слабый телом. И самый сильный из всех чужаков. Его инстинкты мертвы, и это делает его разум свободным. Он внимателен и слишком умен. Слишком... Видит даже то, что в упор не замечают его соратники.

Мудрый старец. Я склонил бы перед ним голову и сделал своим наставником, если бы мог. Но придется принять иное решение.

Девушка.

И снова зов пробуждается, ломая меня. Без моей воли, без моего желания.

Ночью я позвал. Я чувствовал душу, оплетенную зовом, прикасался к ней. И слышал ответ. Обжигающий... Я хочу большего, но она воспротивилась. И злость смешалась с непониманием. Как она могла отказать?!

Она сопротивлялась так яростно, что ее разум померк. Хорошо, что успел поймать прежде, чем она приложилась головой о земляной пол...

Или не стоило ловить?

Усмехнулся беззвучно, глядя на нее сквозь пламя костра.

Чужачка с темными волосами и зелеными глазами. Я смотрю на нее слишком часто, пытаюсь понять, почему мне так хочется ощутить под собой ее тело. Оно не столь бело и прекрасно, как тела дев Аурольхолла, не столь услужливо и покорно, как те, что ждут меня в Нероальдафе. И сдается мне, даже не столь умело, как тела пленниц из южных зе-

мель... Она не похожа на женщин фьордов. В ее глазах горит огонь, но там нет ярости. И она улыбается, даже когда боится.

И еще она любопытна... Пожалуй, в этом мы с ней похожи. В светлой зелени женских глаз я вижу такую же тягу к познанию, что когда-то заставила меня изучать мир за Туманом.

Чужачка, что оскорбила меня.

А я не из тех, кто прощает оскорбление.

Ирвин положил ладонь на плечо, безмолвно напоминая о моем долге. Я сдержал рык, но руку сбросил. Над головами зарождается буря, и племя смотрит с мольбой во взглядах. Женщины протягивают ко мне ладони с едой, предлагают пряности, мясо, себя... Надеются усмирить мою ярость.

Я киваю, тихо даю понять, что не обижу тех, кто дал кров и еду... Ирвин выдыхает за спиной. И зеленоглазая чужачка смотрит – сквозь пламя, так что внутри снова обжигает желание... Я вижу, как она ахает, как приоткрываются розовые губы, и почти ощущаю ее выдох на своей коже. Он тоже будет пряным, как летние травы, настоянные в горячем напитке. Чужачка отворачивается, и над фьордом ударяет первая молния...

* * *

Ночь я провела практически без сна. Над фьордом раз-

разилась гроза, в раскатах грома мне чудился рев какого-то зверя. Так что я лишь задремывала на несколько минут и резко просыпалась, хватая сухими губами воздух. Несколько раз прикладывалась к ингалятору, мрачней с каждым вдохом лекарства. Поэтому утро встретила с облегчением, понадеявшись, что день окажется лучше ночи.

Прошлым вечером наша группа переругалась. Максимилиан озвучил свое решение уйти, но его восприняли в штыки. Дошло до ругани, прямо возле огня... Сцена получилась отвратительная. Коллеги уверены, что ильхи их не понимают, и позволяют себе слишком многое. Но в племени как минимум двое говорят на нашем языке. Однако это не остановило ученых. К сожалению, Максимилиан всегда был выдающимся исследователем, но никогда – лидером. Он не умеет настаивать. К тому же не смог внятно объяснить свои мотивы. На общем собрании он удержался от расплывчатого «дурное предчувствие» и попытался оперировать фактами. Но их практически не было. Экспедиции никто не угрожал. Напротив, нам всячески демонстрировали гостеприимство.

При упоминании последнего Клин заметно покраснел, военные – Люк и Риз – пошло ухмыльнулись. А мне стало противно. Я не стала спрашивать, но, к сожалению, начала догадываться о том, что произошло ночью. Вошли они в круг шатии или продолжили общение с кем-то в шатрах? Деталей я знать не желала... И самое ужасное... А не стала ли я катализатором?

Мысли горячечно вертелись в голове. Все видели, что Ильх ушел за мной. И решили, что я сама дала согласие. Опять же – криков и призывов о помощи не было... Да и все мы понимаем, что один удар парализатором – и Ильх свалился бы на землю, да там и пролежал несколько часов. А серебристая трубочка всегда со мной. То есть мои коллеги рассудили, что все произошло по обоюдному согласию. И раз уж можно мне – женщине, то какой спрос с них?

Клин верно заметил – все они прежде всего мужчины. И шатия могла показаться им не такой уж и отвратительной... Скорее – наоборот. Возбуждающей. Как ни ужасно это звучит. Значит, все, кроме Максимилиана, ночью продолжили... изучение местных нравов. Даже Клин, у которого дома семья? Даже Жан, влюблённый в сотрудницу Академии?

Мне стало дурно от таких мыслей.

И самое плохое, что коллеги и на меня поглядывают искоса. Спросить никто так и не решился, а мне противно оправдываться за их догадки и домыслы. Тему вчерашней ночи все обошли молчанием, сделали вид, что ничего не случилось. И это заставило меня еще сильнее напрячься.

Переругавшись и не найдя компромисса, мы разошлись по шатрам, решив еще раз все обсудить утром. Что ж, надеюсь, сегодня Максимилиан найдет доводы для отъезда. Честно говоря, мне захотелось покинуть фьорды. И Сверра. Слишком странной была моя реакция на него.

Первые лучи еще только коснулись земли, а я уже стояла

возле шатра, жмурясь и осматриваясь. В центре поселения женщины уже возились у костра, мужчин видно не было. Я постояла, размышляя, а потом осторожно двинулась к аборигенкам. Раз уж с мужской частью местного населения мне не повезло, может, удастся наладить общение с женской?

– Доброе утро! – я дружелюбно улыбнулась, приблизившись. Так, ладони открыты, тело расслабленно, смотрю в глаза... Язык тела зачастую красноречивее слов и говорит о большем. Женщины при моем появлении замерли, но смотрели с любопытством и без агрессии. Я указала на котел, который чистила одна из девушек: – Я могу помочь?

Сделала осторожный шаг и присела рядом, тронула пучок соломы, которым отчищалась посудина.

– Могу помочь?

Женщины переглянулись, прозвучали быстрые непонятные слова. И с кивком протянули мне солому.

Я схватила ее обрадованно – поняли! Даже не зная языка – поняли! И принялась тереть бок котла, изо всех сил демонстрируя готовность помогать. Аборигенки смотрели, склонив головы, а потом что-то запищали, рассмеялись. Та, что протянула мне солому, опустилась рядом на колени и принялась показывать, как надо чистить. Другая села с противоположной стороны, протянула пальчики к моим волосам, отдернула.

Я снова улыбнулась.

– Нравятся мои кудри? – закатила глаза. – От них одни

проблемы. И на голове вечный бардак.

Конечно, собеседница не поняла, но, видя мою улыбку, стала смелее. Погладила ткань комбинезона, округлив от удивления глаза. Провела пальчиком там, где разорванный кусок склеивала липкая лента. Переглянулась с товарками. Я терла котел и улыбалась, позволяя себя осматривать.

– Где та девушка? – спросила я. – Девушка? Шатия? Жива?

Женщины рассмеялись, одна положила ладони под голову и закрыла глаза. Спит, – догадалась я. При слове «шатия» местные не скривились от ужаса и отвращения, напротив, улыбнулись лукаво и весело.

Нет, все же этого мне не понять.

– У тебя тоже так было? – пробормотала я, глядя на старшую. – У тебя? Шатия?

Женщина закатила глаза и рассмеялась, показав отменные белые зубы. Надо же, а лет ей немало, судя по морщинам. И снова выражение лица скорее веселое, чем испуганное...

– Часто такое бывает? – продолжила я. – Шатия?

Женщины развели руками, не понимая. Ощущая себя слегка глупо, я изобразила жестах ритуал, указала на аборигенку. Та кивнула и снова улыбнулась. Показала один палец и сделала огорченное лицо. Остальные расхохотались.

Так, значит, ритуал у нее тоже был. И лишь один раз.

– Ребенок? – покачала я руки перед грудью. Жест, понят-

ный любой женщине. Собеседница быстро заговорила, лицо ее стало грустным. Ткнула пальцем на играющих неподалеку малышей.

Я замерла с соломой в руке. Так, если я правильно интерпретировала ее жесты, то ребенок все же родился. Но почему тогда грустный вид? Все же я чего-то не понимаю...

Аборигенки быстро переглянулись и подобрались ко мне поближе.

– Шир хаам Сверр хёгг? – жадно выдохнула она.

– Что? Вы спрашиваете про Сверра? Но я ничего не знаю...

Девушка тронула шов на моем разорванном комбинезоне и повторила настойчиво:

– Шир хаам Сверр хёгг? Шир хаам?

– Да не было никакого хаама! – с досадой выдохнула я. – И не будет!

– Сверр хёгг! Хааленсвод! Шинга, шинга! – испуганно заверещали женщины. Я скривилась. Так-так. Теперь местные меня еще и ругают за то, что отказала их золотоглазому!

– Да чтоб он провалился, – в сердцах добавила я, и визгов стало еще больше. Да, все-таки женщины всегда поймут друг друга, даже не зная языка! Помахала рукой, успокаивая местное население, и снова выдала лучезарную улыбку.

– Я уже слышала это слово, хёгг... Его говорили на шатии. Пели... нет, не так, как же там было... Ньердхёгг... Лагерхёгг!

Пожилая дернулаась и шлепнула меня по губам. Довольно ощутимо! Я прикусила язык. Значит, повторять эти слова не стоит? Или их нельзя повторять именно мне? Но что они значат? Молитвенно сложила ладони, изображая раскаяние, склонила голову.

– Простите... Я не знала... Я глупая цивилизованная женщина и понятия не имею, о чем говорю.

Мой покаянный вид сработал, и женщина, важно пошамкав губами, кивнула. И указала на небо.

– Лагерхёгг, – с придыханием произнесла она. Остальные смотрели замороженно. – Ньердхёгг! – указала на воду в котле, а потом в сторону гор. – Ульхёгг!

Я задумчиво почесала переносицу. Вероятно, речь идет о местных богах. Только о них аборигены могут говорить с таким ужасом и восторгом в глазах.

Молодая девушка с множеством мелких косичек подползла ближе и выдохнула:

– Хелехёгг...

И тут же получила по губам от пожилой, да так, что кожа чуть треснула! Залепетала что-то – испуганно и торопливо.

Я же постаралась запомнить. Три бога в почете, а имя четвертого произносить нельзя? Так получается? Осторожно показала в сторону скал.

– Ульхёгг?

Женщины истово закивали. Пожилая посмотрела серьезно. Я указала на воду и повторила второе имя. Абориген-

ки заулыбались и игриво переглянулись, чем вызвали у меня новый приступ недоумения. Может, бог воды – чрезмерно веселый? И ему они радуются, не бояться? Странно все это. Непонятно.

– Ир-вин хёгг! – нараспев протянула молодая девушка с косичками. Похоже, шлепок по губам ее мало расстроил. Я снова задумалась. Ирвин? Кажется, так зовут голубоглазого блондина? Но при чем тут он? Нет, все-таки языковой барьер сильно мешает пониманию! Ничего не ясно!

– Ирвин? – повторила я. – Ивин... хёгг?

– Ирвин хёгг! – торжественно повторили женщины. – Ньердхёгг!

– Ерунда какая-то с этими вашими хёггами, – с досадой пробормотала я.

– Хёгг салд! Хёгг шундр! – торопливо забормотали местные. Я покачала головой, понимая, что ничего не понимаю. Кажется, там еще кто-то в небе... указала на пушистые облака над головой.

– Лагерхёгг?

Девушки присели, закрывая головы и глядя испуганно. Пожилая замахнулась, желая и меня шлепнуть по губам. Но остановилась и только нахмурилась. Погрозила пальцем.

– Лагерхёгг. – Имя прозвучало жестко, сердито. Женщина же покосилась на меня и добавила шепотом: – Сверр хёгг...

Сверр? Или я не заслуживаю своей ученой степени, или здесь настойчиво повторяют имя золотоглазого ильха. При-

чем в сочетании с этим загадочным хёггом. И что же это значит? Я так крепко задумалась, что выронила котел. Хотелось броситься к своим блокнотам и диктофону, все записать, нарисовать схемы, разложить на составляющие и проанализировать.

Но старшая из женщин не выдержала, отобрала у меня посудину, буркнула что-то. Наверное, что плохая из меня посудомойка! Зато остальные развеселились. И вдруг схватили меня за руки, потянули куда-то.

Я растерянно поднялась с земли.

– Что такое? Куда вы меня тащите?

Но в чириканье ответов так и не уловила смысла и лишь покорно пошла следом. Мне сунули в руки другой котел, поменьше, остальные тоже нагрузились кухонной утварью. И побежали по уже знакомой мне тропинке, правда, свернули не к чаше в скале, а вниз. И через некоторое время мы вышли к пологому берегу тихого озера. У берега вода подмигивала бликами, но дальше – темнела, говоря о немаленькой глубине.

– Здесь вы моете посуду? – догадалась я. И, увидев, что аборигенки раздеваются, добавила: – И себя заодно?

Молодая, что трогала меня, дернула за рукав и жестами начала что-то показывать.

– Гидру? Шатия?

– Шатия? – переспросила я. – Ну да, я видела...

– Шатия? – обрадовалась женщина и ткнула в меня паль-

цем. Потом несмело положила ладонь мне на живот. — Шатия?

— Да видела я, видела! — усиленно закивала головой, соглашаясь. — Как теперь это забыть бы...

Аборигенка снова улыбнулась и указала, что надо раздеться. Я покосилась на тропинку, размышляя. Надо признать, мне ужасно хотелось стянуть с себя ткань и залезть в воду. Все же я слишком привыкла к ежедневному душу, и несколько дней без водных процедур давали о себе знать. Хотелось ополоснуться. Но вот могу ли я это сделать?

С другой стороны, я уже заметила, что женщины племени купаются отдельно от мужчин. Значит, мне не грозит появление ильхов. А вода манит...

К тому же, думаю, войди я в воду, это поспособствует взаимопониманию с женщинами!

Решившись, я осторожно расстегнула многострадальную молнию и стащила свой костюм, оставшись в нижнем белье. Конечно, на меня сразу уставилось семь пар любопытных женских глаз! Аборигенки заверещали, цокая языками и тыкая пальцами в мой живот и грудь, прикрытую белым хлопком спортивного бюстгалтера. Я заставила себя стоять смирно и не дергаться. Не пытаться спрятать свои шрамы. Нет, не нагота меня смущала. И не из-за нее я не любила раздеваться. Увы, но мое тело перечеркивали шрамы — некрасивые, отталкивающие.

Пожилая покачала головой и занесла руку, показывая

удар. Я медленно кивнула.

Женщины придвинулись ближе, разглядывая меня. Потом старшая фыркнула и махнула рукой так, что даже мне стал понятен смысл: что вы на нее пялитесь, все, как у нас...

Я рассмеялась, настолько красноречиво было выражение лица и жест. Все же женщины – везде женщины. Снова обернувшись на тропинку, стянула белье и вошла в каменный бассейн. Возглас сдержать не сумела, студеная вода вышибла из тела воздух. Аборигенки уже плескались, самая молодая повизгивала, словно щенок. Я резко присела, погружаясь целиком, вместе с головой. Вода обняла холодом, и, вынырнув, я снова рассмеялась, хотя зубы и начали стучать. Аборигенка протянула мне кусок грубой ткани и демонстративно потерла себя, показывая.

– Поняла! – сообразила я. Вот вам и местное мыло. Ветошь пахла чем-то горько-сладким и, похоже, была вымочена в растворе золы. Что ж, обычное дело для таких племен. Я торопливо растерла тело, ощущая ток ускоряющейся крови и колкие мурашки на коже. Снова резко опустилась в воду, сделала несколько сильных гребков. Вода взбодрила, разум вновь стал чистым, словно тоже промытым. И я задумалась над тем, что услышала. Кто же эти хёгги? Расспросить бы Сверра, да вот общаться с ильхом совсем не хочется. Даже приближаться.

Я вынырнула.

И слово странное. Кажется знакомым, хотя и непонятным.

Словно что-то в самой глубине души отзывается на него.

Слово ласкает язык и губы, слетает с выдохом.

«Хёгг» – прошептала я, пробуя слово на вкус.

Ушла в воду и... замерла с открытыми глазами. В темной глубине что-то шевельнулось. Что-то... огромное. Всколыхнулась волна, рябью подернулось озеро.

Я открыла рот, чтобы заорать и, конечно, нахлебалась воды. Выскочила, замотала головой, отбрасывая волосы. Пожилая аборигенка крикнула грозно, стрельнула на меня взглядом. И все попрыгали на берег, словно по команде. Я тоже вылезла на примятую траву, обхватила себя руками.

– В воде кто-то был! – воскликнула я. – Кто-то... странный...

Осеклась, потому что аборигенки нахмурились и снова за-
верещали. Я настойчиво ткнула пальцем в воду.

– Кто это был? Что за животное? Вы знаете? Оно же огромное!

Пожилая замахнулась, кажется, намереваясь треснуть меня по губам. Похоже, у них это в порядке вещей, чтобы лишнего не болтали. Но я, уже наученная, шустро отпрыгнула в сторону и женщина лишь недовольно скривилась.

– Вы знаете, кто был в воде?

– Хёгг! – шепотом сказала девушка с косичками. Я обернулась на нее.

– Нет, я спрашивала, кто был в воде! Не про ваших богов! А про зверя в озере. Понимаешь?

Но девчонка лишь замотала головой так, что разлетелись все ее косички.

– Хёгг, хёгг! – снова закричали женщины.

А через минуту на дорожке появился незнакомый ильх. Я торопливо прижала к мокрому телу комбинезон, попятилась к скальным выступам, чтобы одеться. Спряталась и принялась натягивать ткань на мокрое тело, краем уха прислушиваясь к недовольным возгласам варваров. Тон у голосов был возмущенный и немного испуганный. Собачку молнии от моих нервных движений снова заело, так что вырез у меня получился глубокий. Я скрипнула зубами, увидев это «декольте». В нем отлично видна ложбинка груди – вот же зараза! Но застежка застряла и двигаться выше отказывалась. Так что пришлось оставить как есть.

Стоило выйти из своего укрытия, как меня подхватили под локоть и потащили в сторону поселения. Я и не сопротивлялась, размышляя, что будет дальше.

Мы вернулись к шатрам.

По заведенному порядку, ильхи собрались вокруг огня, тот, что привел меня, обвиняющее ткнул пальцем.

– Раанваль хёгг! Худра!

– Сам дурак, – под нос себе пробормотала я. На меня уставились десятки осуждающих глаз.

– Я ничего не делала, – выкрикнула возмущенно. – И вообще ничего не понимаю...

– Тебя обвиняют в пробуждении... хёгга, – негромко ска-

зал за моей спиной Сверр, и я резко обернулась, посмотрела в золотые глаза. И сразу ощутила, как кровь прилила к щекам. Вот же гадство... Вспыхнула, отвернулась и нахмурилась.

– Хёгг? Кто это? И как я могла его пробудить?

От шатров уже бежали мои коллеги, Клин на ходу застегивал комбинезон, Жан зевал. Макс снова хмурился и, приблизившись, принялся натирать свои очки. Зато военные выглядели бодрыми и собранными.

– Что здесь происходит? – с ходу потребовал объяснений Юргас.

– Говорят, я что-то пробудила. Но я не понимаю...

– Хёгг! Хёгг! Худра! Хёгг!

– О чем это они?

Я пожала плечами и покосилась на Сверра. Он молчал, что мне совсем не понравилось. Между темных бровей залегла складка.

– Кажется, все серьезно, – угрюмо протянул Юргас, осматривая ильхов. Те уже потрясали кулаками, выкрикивая слова. Казалось, немного – и в меня полетят камни! Я инстинктивно отступила назад, сдерживая желание побежать от разъяренной толпы варваров. Женщины, которые совсем недавно мне улыбались, теперь смотрели сердито или вовсе отворачивались.

– Но я не понимаю... Не понимаю, что сделала!

– Тяжелый проступок, Лив, – бесцветно произнес Сверр. –

Здесь за него наказывают.

– Но какой проступок?

– Ты вошла в воду. Позвала хёгга. Он пришел.

– Что? Хёгга? Но кто он?

Пожилая аборигенка возмущенно замахнулась, желая треснуть меня по лицу. Но отступила, переведя взгляд за мою спину. На Сверра.

Краем глаза я заметила хмурого Ирвина, что подошел слева. Он выкрикнул несколько слов, кажется, пытался успокоить местных. Но ильхи лишь разъярились.

– Хёгг! Худра! Шатия!

– Шатия? – уловила я знакомое слово. – О чем это они?

– Тебя надо отдать под шатию с хёггом, – непонятно пояснил Сверр. – Раз он пришел за тобой.

– Это какой-то бред! – выдохнула я. – Какой хёгг? Как я могла его позвать? Я ничего не делала! Я лишь плавала... Но женщины сами привели меня туда!

– Ты невинна, Лив? – золото глаз кажется уже обжигает... И я снова покраснела! Вот же проклятие! Ну почему мне так не везет? Я что же, должна всем рассказывать позорную историю своей жизни? Здесь, перед коллегами?

– Какое это имеет значение?

– Дикого хёгга может пробудить лишь невинная девушка. В воду у скал нельзя заходить тем, кто еще не утратил невинность.

– Но там была она! – я обреченно указала на девчонку с

косичками. – Она то точно младше меня!

– У нее уже есть ребенок, – оборвал Сверр.

Я ошарашенно замолчала.

– Очевидно, в окрестностях появился какой-то зверь, – негромко произнес Максимилиан. – И варвары связывают это событие с вами, Лив.

– Я кого-то увидела в воде. Правда, не поняла, что это было... Но, кажется, этот зверь огромный!

– Если я правильно понимаю... – притиснулся ближе Жан. – То шатия с хёггом – это некий обряд по задабриванию зверя.

Мы тревожно переглянулись. Даже дураку ясно, что мне этот обряд не понравится. А дураков среди коллег не было.

– Хёгг! Шатия хёгг! Худра!

Яростные выкрики заставили нас сблизиться и нервно переглянуться.

– Есть подозрения, что тебя хотят отдать на съедение какому-то хищнику, – мрачно озвучил Клин.

Юргас сверкнул глазами из-под насупленных бровей.

– Что будем делать?

– Только давайте без оружия! – отдернул Макс и повернулся к молчащему Сверру. – Скажи им, что Оливия не виновата! Она не знала о хищнике в озере... И не знала ваших традиций!

– Это ничего не меняет, – ответил ильх.

– Незнание закона не освобождает от ответственности, –

пробормотал Клин, и я наградила его сердитым взглядом.

– Это все какой-то бред! – прошипел Юргас.

– Бред? – Сверр поднял темные брови, золото глаз плескалось расплавленной лавой. Мы уставились на него заворованно. Цвет его радужек менялся, почти светился...

– Ну и дела... – выдохнул Жан, дергаясь назад.

– Ты называешь бредом то, что племя чтит веками? – Сверр посмотрел на Юргаса, и я заметила испарину на лбу военного.

– Я не хотел оскорбить ваши традиции, – прохрипел начальник безопасности. К его чести – он смог извиниться, хотя рука и тянулась к парализатору. Я подавила желание прижаться к мужчинам и выпрямилась, вскинула подбородок. Нельзя показывать свой страх! Никому.

Сверр посмотрел на меня, прищурившись, но в лаве его глаз я увидела одобрение.

Отвернулась.

– Мы готовы извиниться! – торопливо сказал Максимилиан. – И загладить свою вину! Оливия попросит прощения...

– Здесь поможет только кровь, – обронил Сверр. – Либо кровь Лив, либо...

– Либо? – с надеждой переспросила я.

– Либо кровь хёгга. Если кто-то решится убить хёгга, то шатию можно отменить.

– Отлично, нам это подходит! – встрял Юргас, но осекся, увидев взгляд Сверра. – Знать бы еще, кто это хёгг... но, ду-

маю, заряда наших парализаторов хватит?

Вскинула голову и увидела нахмуренные брови блондина Ирвина. Он смотрел на Сверра – тяжело и недобро. Но золотоглазый не обращал внимания. Думал.

И тут толпа всколыхнулась, набежала волной, и меня дернули чьи-то сильные руки. Незнакомый варвар закинул меня на плечо и потащил под одобрительные вопли соплеменников. Я вскрикнула, скорее от неожиданности, чем страха. Как ни странно, последнего я пока не испытывала. Наверное, мой разум все еще не осознал серьезность ситуации. Что это не шутка и не постановка в театре, а по-настоящему. Что я чем-то разгневала местное население и меня хотят отдать неведомому хищнику на растерзание.

Отличное завершение моей исследовательской миссии и жизни в целом.

– Да отпусти же! – попыталась вывернуться, даже стукнула кулаком по широченной спине, но ильх лишь подбросил меня на плечо и двинулся дальше. Я дергала ногами и вертела головой, но мало что видела.

– Юргас, только без оружия! – донесся голос Максимилиана.

– Я могу положить их всех...

– Да вы с ума сошли! Опустите парализатор...

– Юргас, не надо! – крикнула я, приподнимая голову. – Я в порядке!

Начальник безопасности мелькнул и пропал за широкими

спинами. Меня дотащили до дорожки, ведущей к озеру, и скинули на землю. Я вскочила, озираясь. Сильные руки ильхов прижали меня к одному из черных столбов, другие начали привязывать – спиной к поселению, лицом к озеру.

Я изумленно открыла рот.

– Профессор, похоже, я поняла, зачем нужны эти ритуальные исполины, – торжествующе изрекла я. – Это жертвенники!

Максимилиан не ответил. Теперь я вообще не видела никого из членов экспедиции. Перед глазами мелькали лишь ильхи, которые связали мне руки, прижав к столбу. Плечи сразу заныли.

Кто-то дернул мой комбинезон, пытаясь содрать его с моего тела. Липкая лента не выдержала и треснула, снова образовав прореху. А вот это уже не весело...

– Им Сверр хёгг! – раздался позади глухой, тягучий рык. Сверр... Это точно был он. Племя вмиг затихло, даже женщины заткнулись и перестали верещать. Золотоглазый появился передо мной, осмотрел остро. И я ощутила себя совершенно беззащитной. Прикусила изнутри щеку, чтобы не показать страх. Сверр смотрел в глаза, прищурившись недовольно. Потом резко повернул голову к ильхам.

– Им Сверр хёгг, – повторил он. И глянув на меня, перевел: – Я смою кровь кровью хёгга.

Варвары застыли растерянно. Радости я на их лицах не видела. Похоже, первый вариант развития событий, в кото-

ром меня кто-то жрет, им нравился больше.

Сверр поднял сжатый кулак, медленно осмотрел племя.

– Сскхран. Ночью.

Вперед выступил ильх, который тащил меня на плече. Сейчас я смогла его рассмотреть – высокий, плечистый, светлые выгоревшие волосы, пронзительные голубые глаза и морщины, указывающие на возраст. Все еще силен, но явно не молод.

Он обвинительно ткнул в меня пальцем.

– Худра! Ихнеменег хёгг!

Сверр склонил голову на бок. И произнес несколько слов. Спокойно, почти насмешливо. Ильх недовольно скривился, посмотрел на меня. Сплюнул. И крикнул ожидающим соплеменникам.

– Апхайоль!

Да будет так? Похоже на то... Вот только развязывать меня никто не торопился. Теперь все смотрели на меня, словно чего-то ждали. Я неуверенно покосилась на Сверра. И что я должна сделать? Изобразить бурный восторг?

– Я оплачу твой долг, Лив, – сказал Сверр. – Если ты согласишься.

– Соглашусь? – уже хотела сказать, что, конечно, согласна, но прикусила язык. – Есть какое-то условие, так?

– Я оплачу твой долг. Ты станешь моей... лильган.

Юргас протестующе зашипел, Максимилиан положил руку ему на плечо. Я же лихорадочно обдумывала ситуацию.

Все понятно, мужчина, выступающий защитником дамы, имеет право на вознаграждение. Лильган? Может, любовница? Неприятно... Но явно лучше, чем смерть.

– Я согласна! – звонко крикнула я. Ветер ударил в лицо, эхо отразилось от скал.

– Оливия лильган Сверр хёгг, – приказал ильх, сверкая расплавленным золотом глаз.

Я повторила и задохнулась от ударившего в грудь порыва ветра.

И все стихло.

– Хорошо, Оливия Орвей, – насмешливо протянул Сверр. – Ночью клятва будет исполнена.

– Ночью? – встрял Юргас. – Она что же, будет стоять здесь весь день?

– Да, – отрезал Сверр и ушел. За ним потянулись остальные ильхи, недовольно косясь на меня.

– Чушь! Я развяжу...

– Не надо, Юргас, – остановила я вояку. – Не надо. Не стоит дразнить племя еще сильнее. Я нарушила какое-то табу, пусть и по незнанию. Хорошо, что Сверр вмешался...

– Не уверен, что это хорошо, – хмуро обронил Максимилиан. – Надо было уточнить условия сделки прежде, чем соглашаться, Оливия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.